

СТРЕМЛЕНИЕ

Г. Остроликий

Г. Остроликий

Стремление

<https://litres.ru/74363344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Исключительная пытливость ума позволила Эвандеру Флитвуду постичь невозможное - он обнаруживает ключ к созданию универсального лекарства от рака. Подталкиваемый жадой скорого триумфа, он собирает исследовательскую группу и спешно приступает к разработке заветного эликсира.

Однако дни сменяются годами, и казавшийся неизбежным успех превращается в далекое воспоминание. А тем временем таинственная корпорация Хоуп яростно желает заполучить патент на совершенное открытие...

Сможет ли доктор превратить открытие во всеобщее благо, не поддавшись искушению окружающего мира, который признает в человеке лишь жадность и амбиции?

Содержание

I. История одного исследования	4
II. Как же выбраться из купола?	8
III. Рабочий день	22
IV. Двери и лестницы	49
V. Беседа	81
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Стремление

I. История одного исследования

Обнаружив себя лежащим на мокром от реагентов и собственной крови полу, Эвандер понял две вещи. Во-первых, недалеко от наружной складки левого глаза, там, куда приземлилась разбитая колба, останется глубокий, неказистый шрам. А во-вторых — шрам этот будет служить вечным напоминанием о дне, когда он совершил, возможно, одно из самых главных открытий в истории медицины.

И тщетными оставались попытки студентов, пришедших пораньше в лабораторный корпус Авертонского университета с надеждой на умиротворенное чаепитие перед началом учебного дня, усадить пострадавшего на стул. Не по годам грузное тело врача-фармаколога со взглядом, словно застывшим в молчаливом созерцании момента обретения новой, до сих пор неизведанной крупицы таинства Вселенной, долго еще не хотело содействовать оказанию ему первой помощи.

В голове же тем временем проносилась история собственной жизни, мелькали ключевые события, приведшие к этому мгновению: первые обмороки однокурсников на занятиях в операционной и первые лица больных на практике в онкологическом отделении, споры с пациентами насчет методов

лечения и получение места в лаборатории при университете по постдокторской программе, безвозмездное участие в клинических испытаниях новых лекарств и ночная работа над собственным исследованием иммунных механизмов борьбы с опухолями... И наконец, серая, едва заметная лужица в колбе под объективом микроскопа, подтверждающая существование белка, способного при активации механизма апоптоза самоуничтожить дефектные клетки организма, полностью избавив его от рака.

Патент, по рекомендации одного из лишенных утренней церемонии студентов, ставшего в дальнейшем частью команды по разработке конечного препарата для лечения всех форм карциномы, — был получен через месяц после знаменательного дня открытия. А через год коробки с необходимым для исследований оборудованием практически целиком загородили собой окна второго этажа лабораторного корпуса, создавая днем особенно благоприятствующую трудовому процессу полутемень, так полюбившуюся главному исследователю во времена работы над великим открытием.

Частная онкологическая клиника, в которой Эвандер успел получить репутацию добросовестного специалиста и неустанно продолжал вести врачебную практику, предложила своему сотруднику финансирование проекта, заблаговременно именованного некоторыми ее сотрудниками, не утруждающими себя долгими поисками названий для действительно значимых вещей, панацеей.

Приступы бессонницы нашли прибежище и плотно укоренились в ничуть не беспокоящемся об их существовании организме вчерашнего аспиранта, всецело поглощенного мечтанием о вот-вот оказавшемся явью чудотворном лекарстве, что даровало бы право на вторую жизнь миллионам несчастных по всему свету. И, конечно, где-то на окраине сознания, по соседству с этой благочестивой мыслью, роились и мысли более обыденные, более прагматичные и менее добродетельные. Мысли о хорошем выходном костюме, таком, в которых предстают перед толпами обожателей звезды телеэкранов. Об обиталище чуть побольше и чуть повиднее, чем то, что у него есть сейчас, возможно, недалеко от Гринвичской обсерватории в Хай-Лондоне, а хоть бы и для начала — в центральном районе своего родного городка, Авертона. О приветливом личном водителе, непринужденно затевающем во время езды малозначимые беседы и незамедлительно их завершающем, когда Эвандеру они начинали бы наскучивать. Но то были мысли незначительные, появляющиеся иногда и как бы невзначай, в минуты, когда забота о собственном научном детище ненадолго покидала пытливого разум, оставляя его наедине с бытовыми тяготами и повседневными насущными хлопотами.

А время, с проворством изголодавшегося по добыче хищника, неумолимо кралось вперед, оставляя за собой усталость от неудачных доклинических испытаний пробных препаратов, тревожность от постепенного истощения финанси-

руемых средств и раздражительность от возникающих с досадной постоянностью разногласий относительно применяемых методик, используемых реагентов и степени зависимости успеха проводимых экспериментов от погоды за окном.

Ярким маяком, озаряющим путь к предназначению, служил блеск в глазах главного исследователя, который упрямо вел его сквозь возникающие трудности. И лишь крохотный плодик сомнения, зарывшийся втайне ото всех в самую глубину его сердца, поселил вслед за собой тягучее, будто только что проступившая смола, чувство неудовлетворенности, заражавшее устремленный вперед взгляд оттенком беспокойства.

Увлекаемый этим чувством, Эвандер начал отчетливо сознавать потребность в переменах, невольно для себя самого желая какого-нибудь революционного события, способного вернуть в движение шестерни устоявшегося жизненного порядка. И вот, в день, предшествовавший дню его тридцатитрехлетия, в почтовом ящике он обнаруживает письмо с предложением о покупке патента на совершенное им открытие...

II. Как же выбраться из купола?

Мягкое августовское солнце лениво взбиралось вверх по небосводу. Утренний ветерок то и дело докучал кронам растущих вдоль улицы Фартинг-Лейн каштанов, а те отвечали гулким шелестом раскидистой листвы, разносившимся по всей округе. Редкие прохожие проплывали вдоль плеяды однотипных кирпичных домов, беззаботно улыбаясь и приветливо махая при попадании в зону видимости друг друга.

Эвандер сидел на крыльце своего дома, пуская в атмосферу клубы сигаретного дыма. Этот ритуал, проводимый каждый день перед выходом на работу, был заведен им в первый же день после переезда. Обычно в эти минуты доктор думал о делах, стараясь сформировать план на текущие исследования. Но в последнее время эти рассуждения уступили навязчивой мысли о том, что место его обитания успело ему порядком надоесть. Жилищная ипотека выплачена не более чем наполовину, а это значит, что о новом жилье вряд ли посчастливится задуматься в ближайшие шесть лет.

Из всех предложений это место приглянулось доктору обилием зелени — «иногда приятно ощутить себя словно на опушке леса, просто приоткрыв входную дверь», — рассуждал он. Кроме того, Авертонский университет находился отсюда всего в нескольких автобусных остановках, что избавляло от необходимости траты средств на собственный авто-

мобиль. Как это водится, недостатки вещи начинают обнаруживать себя только после ее приобретения.

Оказалось, что в округе множество человек разделяли его тягу к дикой природе. Однако на этом, к великому сожалению Эвандера, их общие интересы заканчивались. Местные жильцы являли собой редкий пример образцовых соседей, идеальных настолько, что различать их можно было не иначе как по количеству полос на галстуках и горошков на платьях. Эти люди виделись ему воплощением воздержания от амбиций и отказа от успеха, словно своим существованием препятствовавшие достижению его собственных целей. Они ходили друг к другу в гости (частенько приглашая и Эвандера, когда удавалось застать его дома), по выходным рылись в земле на задних дворах (сажая тонны растений всевозможных видов и, по всей видимости, стараясь превратить свои пятьдесят квадратных метров в королевскую оранжерею), заводили и выгуливали по утрам своих домашних питомцев (как будто им в скором времени, а кому-то и уже, будет недостаточно детей) и, кажется, совершенно не заботились о том, чтобы нарушить этот порочный круг среднего достатка. Со временем у доктора начало появляться болезненное ощущение, будто вся окрестность покрыта каким-то невидимым куполом, и все, что находится внутри него, рискует рано или поздно погрязнуть в необратимой атмосфере статичности и унылой праздности. Мысли о куполе тревожили его тем чаще, чем дольше он находился в обществе

вечных дегустаций выпечки и разговоров о погоде, поэтому все больше времени он проводил в институте, вечерами бездельно слоняясь по коридорам, а затем возвращаясь домой пешком к полуночи.

В задумчивости Эвандер забыл про табак, и тот, истлев до основания, обжег округлые пальцы, за что незамедлительно был отправлен к порогу вниз по ступенькам. Хозяин дома отнюдь не был неряхой, предпочитая оставлять за собой должный уровень чистоты везде, куда бы ни приходил, и только на собственной территории мог позволить себе некоторую вольность в вопросе соблюдения порядка. Окурок прокатился по брусчатой дорожке и затерялся в траве, недалеко от картонной коробки из-под макулатуры, рассеянно оставленной на придомовом газоне пару дней назад.

Бегло взглянув на часы и наскоро пригладив вечно норвящие растрепаться на ветру коротко стриженные темные волосы, Эвандер машинально пошарил руками по сторонам в поисках рабочего портфеля, однако найти его не удалось. Он поднялся, отряхнул штаны и стал оглядываться вокруг в надежде обнаружить пропажу где-то поблизости, но и эта попытка не увенчалась успехом. «Скорее всего, оставил в прихожей, пока обувался... Нет же, вчера переполнился почтовый ящик, я переложил письма в сумку, когда возвращался домой, а потом вывалил их на книжный столик вместе с остальными бумагами, хотел было найти счета. Ох!...» — вспоминал он.

Распахнув входную дверь, он нырнул внутрь дома. Подумал было снять обувь, но, еще раз взглянув на часы, решил оставить эту затею. В неуклюжих стараниях как можно меньше наступать на пятки, просеменил через прихожую, заполненную чрезмерным для такого маленького помещения количеством различных стульев и табуреток, в совмещенную с кухней гостиную. Все было на своих местах: флотилия кружек из-под чая, выстроенных в раковине ровными рядами для помывки, небольшой искусственный камин, неестественно торчащий из стены, запыленные столбы из книг, расставленные по углам комнаты, покой которых, кажется, не нарушали уже целую вечность, вычурный красный диван посередине и, словно вынесенный прямиком из королевского дворца, одинокий табурет богемного вида с протертым сиденьем, ярко контрастирующим с блеклым интерьером помещения. А еще — настольные лампы, банки из-под специй, полупустые стеллажи, кухонные принадлежности, полки с дверцами, старые газеты и одинокий крючок над книжным столиком, неровно прибитый к стене, на котором висел исключительно чистый и аккуратно сложенный наряд, состоящий из светло-синей рубашки поло (на вид явно не из дешевых) и весьма удачно подобранных к ней брюк классического типа.

Эвандер подошел к столику и спешно начал укладывать в портфель необходимые для работы бумаги. Письма, так и оставленные нетронутыми с вечера, посыпались на пол. Сре-

ди общей массы счетов и рекламных объявлений внимание Эвандера привлек один конверт, мелкий и невзрачный сравнительно с остальными — словно специально созданный для того, чтобы затеряться среди прочей макулатуры и остаться незамеченным. Он быстрым движением подобрал письмо с пола и, еще раз взглянув на часы, перевернул лицевой стороной. Надпись «Коммерческая возможность» и указанный в адресе отправителя Хай-Лондон заставили его немедленно распечатать конверт.

«Уважаемый г-н Флитвуд,

Надеюсь, это письмо застанет вас в добром здравии. Несколько звонков вам остались без ответа, поэтому было принято решение отправить данное сообщение. Я обращаюсь по вопросу, который, как мне представляется, будет иметь для вас значительный интерес. Технология, запатентованная вами, привлекла мое внимание, и я убежден, что заложенный в ней потенциал, как с финансовой, так и с моральной стороны, должен быть раскрыт наилучшим образом.

С этой целью позвольте пригласить вас на обед, чтобы обсудить возможности приобретения упомянутого патента на взаимовыгодных условиях. Рад предложить вам встречу в располагающей обстановке в заведении на улице Провиденс, Авертон, 14 августа, в 13:00, для рассмотрения всех деталей. С наилучшими пожеланиями,

С наилучшими пожеланиями,

Эдрик Уинслоу».

Забыв про намерение оставить пол как можно более чистым, медлительным и грузным шагом Эвандер добрал до табурета, держа в одной руке распечатанное письмо, а в другой полупустой, раскрытый нараспашку портфель. Застыв на минуту над предполагаемым местом посадки, он еще раз перечитал текст, остановившись на дате: «Это же сегодня, через несколько часов!»

В голове царил лабиринт эмоций, главной из которых было замешательство. «Несколько звонков без ответа, и как я мог их пропустить... Почему письмо с такой важной темой, да еще и связанное напрямую с работой, отправили на домашний адрес? И кто этот Уинслоу из Хай-Лондона, вряд ли я помню кого-то с такой фамилией, кого он представляет? Кого-то точно должен, не может же это быть одинокий энтузиаст, решивший заняться разработкой универсального лекарства от карциномы... Впрочем, и я был таким же и задавался теми же целями. Но что за банальная, унижительная нелепость — вот так предлагать человеку продать дело всей его жизни, скорее всего, какая-то ошибка или баловство... А может, и того лучше, мошенничество... Да ведь подобные предложения, помнится, поступали и раньше, однако же я совершенно не обращал на них внимания, так стоит ли в таком случае беспокоиться об этом сейчас?..» — думал Эвандер.

Едва присев на табурет, он вдруг вздрогнул от резкого и

оглушительного хлопка оставленной открытой входной двери — задувший еще утром ветерок, по всей видимости, не спешил становиться забытым, крепчая и без зримой на то причины возмущаясь окружавшим его миром. Хлопок вывел Эвандера из состояния задумчивости, заставив вспомнить сначала о наручных часах, а затем и об автобусе, и о месте, куда этот самый автобус должен был его доставить. Он небрежно сунул в карман скомканный листок бумаги, подошел к плите и отхлебнул воды из чайника, застегнул портфель, вероятно, забыв, что половина бумаг осталась на книжном столике, и стремительно двинулся по направлению к остановке общественного транспорта.

Легкая маска тревожности застыла на его лице, широко раскрытые глаза беспокойно бегали от одного края улицы к другому, и сам он пребывал в каком-то отчужденном, но в то же время и приподнятом настроении, словно желаемое им в течение долгого времени, хоть и совершенно не так, как он себе представлял, а все-таки начинало исполняться. «Стоит ли идти на встречу? Не возьмут же меня прямо в этом кафе в плен, даже если это какой-то глупый развод, ничего общего с, как они написали, деловым предложением в действительности не имеющий... А что если и правда какая-то крупная компания заинтересовалась исследованиями. Возможно, хотят предложить финансирование... Точно! Ищут перспективные проекты для вложения средств, а про приобретение патента написали так, для громкого словца. На са-

мом-то деле хотят быть партнерами, а это пришлось бы очень кстати. Авертонская клиника выделяет все меньше и меньше средств, Энтони в прошлом году ушел, а ведь он работал в команде с самого начала. Если не он, сейчас бы не было ни патента, ни лаборатории... Средства бы не помешали, да и сколько наконец можно ждать заслуженного признания? Много ли из тех людей, кто являет собой символ успешности в современном обществе, могут похвастаться благородством устремлений, сравнимым с поставленной мною миссией». Тут доктору на ум пришел недавний выпуск утренней передачи, в котором обсуждалось будущее студентов какого-то регионального университета. Одного предпринимателя, некогда сумевшего привлечь исключительно круглую сумму на дальнейшее развитие деятельности своей компании, попросили записать небольшое напутственное обращение к молодому поколению, только избирающему жизненный путь. «Как же говорил тот парень? „У вас критически мало времени на самореализацию. Сыграйте с собой в игру: представьте, что вам во что бы то ни стало нужно добиться успеха до двадцати семи, иначе вы умрете с наступлением этого возраста“. Диковато, конечно, а все-таки в чем-то он прав. Успех — вот что определяет человека, есть победители и есть все остальные. А что, в свою очередь, определяет успех, как не возможность распоряжаться своей жизнью так, как вольно тебе брать от нее все, что бы только тебе ни заблагорассудилось, ведь, в конечном счете, она так

коротка. Эх-х, а ведь свою-то игру я, выходит, уже проиграл...» — Он осекся, огляделся по сторонам, будто испугавшись, что кто-то может подслушать его мысли. Сделал глубокий вдох, поправил волосы, незамедлительно вернувшиеся в исходное беспорядочное состояние, закурил. «Нет, и думать о таком непозволительно. Слишком много сил вложено мною в этот проект. Несколько минут своего времени — вот все, что я могу им предоставить, кем бы они ни были... Или не идти совсем? Да, сейчас в исследованиях мы претерпеваем период стагнации, клинические эксперименты смогли бы серьезно продвинуть дело, но для их проведения нужно сначала получить соответствующие разрешения, доказывающие успешность доклинической стадии. И рано или поздно мы найдем нужную формулу, не оказывающую побочного действия на организм испытуемого, нужно только время. Не знаю, что они собираются предложить, если собираются, но продавать патент, оставлять то, над чем трудился... Ни за что!» — размышлял он, поднимаясь вверх по небольшому уклону тротуара, ведущему к маленькому и опрятному местному парку.

Дорожки были усеяны цветками каштана с розоватыми сердцевинками, проглядывающими сквозь белые лепестки. Вдоль всей аллеи тянулась невысокая живая изгородь, прерываемая в некоторых местах ответвлениями, которые вели вглубь парка сквозь изобилие густо посаженных мимоз, магнолий и ясеней к крохотному озерцу с одной стороны и к сте-

нам домов на соседней улице с другой. Вечно переполненные скамейки вокруг центрального фонтана, имевшего вид трех возвышающихся чаш со статуями диких животных у основания, были выкрашены в темно-зеленый цвет. Жильцы со всей округи, прогуливающиеся по парку в одиночестве, в компании знакомых или с домашним питомцем, чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы занять удобное положение для созерцания переливающихся в лучах солнца пыльно-голубоватых капель воды, мерно стекающих ровными струями вниз по гранитной конструкции.

Меньше всего Эвандеру хотелось в этот момент встречать знакомые лица и затевать непринужденные разговоры — но именно это и произошло. Миссис Лоренс, по всей видимости, выгуливала недавно заведенную на радость своему мужу собачонку породы той-пудель. Та что-то усердно вынюхивала в листве возле фонтана, недовольно фыркая, когда на нее попадали сносимые ветром капли воды.

— О, мистер Флитвуд, вот так сюрприз!

Эвандер неохотно затушил табак о ближайшую урну, выкинул остатки и повернулся в сторону своей соседки. «Сюрприз? Мы видимся на этом самом месте почти каждый день».

— Доброе утро, миссис Лоренс! Как ваши дела?

— Все отлично, благодарю! Выгуливаю Козетту, ей нравится бегать у фонтана.

Собака просеменила к ногам доктора, внимательно обню-

хала подошву ботинка, затем твякнула, украдкой взглянула на лицо своей хозяйки, и затрусил к ее ногам. Эвандер выдал из себя натянутую улыбку.

— Какая хорошенькая у вас собачка.

— А знаете, мне кажется, вам тоже стоит завести такую. Будет охранять дом, пока вы проводите время на работе. Хотя от кого здесь у нас охранять дома, все же свои! — миссис Лоренс непринужденно рассмеялась. Надо сказать, голос у нее был весьма приятный. Даже Эвандеру, находившему данный диалог бесцельной тратой времени, стало чуточку светлее на душе от звонкого, мягкого женского сопрано. — А по вечерам можно было бы выгуливать их всем вместе, Чарльз тоже будет ходить с нами. После того, как дочь уехала в колледж, он слишком много времени стал проводить дома перед телевизором...

— Да, обязательно задумаюсь над приобретением.. Кстати, большое спасибо за запеканку, признаться, она была очень вкусной. — Эвандеру действительно нравилась запеканка миссис Лоренс, как, впрочем, и все блюда, любезно предоставляемые ею в качестве угощений. — Я скоро занесу вам блюда. Честно признаться, я опаздываю...

— А как твой шрам? Погляди, уже совсем и не видно, — перебила его собеседница, входящая во вкус разговора. — Значит, та мазь, которую я советовала в прошлом году, все-таки помогает! Какая замечательная у вас выдалась, однако, история, связанная с этим шрамом. Чарльз был просто

в восторге, когда вы с нами ею поделились. После этого мы рассказываем всем нашим знакомым, какой даровитый у нас есть сосед! — Миссис Лоренс снова громко рассмеялась. — Вы все еще работаете над лекарством? Надеюсь, у вас все непременно получится, если не сегодня, так завтра! Ох, вы же еще работаете в онкологической клинике, так ведь? И когда вы только все успеваете!

— Стараюсь не тратить время на пустяки... — Тут Эвандер замялся, постаравшись извлечь из себя непринужденный смех, подражая миссис Лоренс. — Прошу меня простить, но я опаздываю на автобус, скоро как раз начинается рабочий день.

— Да, конечно, вот уж я со своими разговорами, — спохватилась собеседница, начав разыскивать глазами питомца. Цветок каштана, оторвавшись от ветки, приземлился ей прямо на ресницу. — Погодка-то сегодня просто чудо, да только ветер что-то разгуливается не на шутку. Проходила по соседнему кварталу, так там совсем никакого ветра и нет. Словно нашу округу куполом каким накрыло, да вместе с ветром с этим, вот он и буйствует здесь у нас, не может выбраться. Ну, всего хорошего, мистер Флитвуд!

— А про купол это вы здорово подметили, и мне так кажется...

Эвандер ошарашенно уставился прямо перед собой. Машинально попрощавшись, он медленно поднял голову на безоблачное небо. Размеренно покачиваясь, шелестели кро-

ны деревьев, тихо плескаясь, пенилась вода в фонтане, где-то вдали, порхая крыльями, щебетали птицы. От растерянности и желания как можно сильнее уйти в себя, скрыться от окружающего мира, он ссутулился, притянул чемодан поближе к себе одной рукой и засунул другую руку в карман — пальцы уткнулись в скомканный клочок бумаги.

Оставшуюся часть парка он преодолел, полностью погрузившись в свои мысли. По его расчетам, на намеченный автобус он уже успел прилично опоздать, так что спешить было некуда. Пройдя сквозь приоткрытые резные металлические ворота, которые давно перестали закрывать на ночь — не то по просьбе самих жильцов, не то из-за нерадивости местной муниципальной службы, — Эвандер свернул вправо на широкий асфальтовый тротуар, ведущий напрямик к остановке.

Автобус вальяжно выкатился из-за угла, приветливо подмигивая доктору указателем поворота. Выждав положенное время на светофоре, он не спеша пересек перекресток, добрался до следующей контрольной точки своего маршрута и остановился, разложив по сторонам входные двери. «Я успел к своему автобусу? Или это уже следующий? Который час? А, какая разница!» — подумал про себя Эвандер, устремившись к остановке.

Запыхавшийся, с проступившей на лбу испариной, он схватился за дверные перила и неторопливо начал загружаться в салон. Народу внутри было необычно много, и по-

сле небольшого спринта у него появилось ощущение, будто он попал в разогретую духовку. Потеснившись, он кинул взгляд назад, в сторону своего дома и парка, подумав: «Пожалуй, нужно послушать про это деловое предложение. По крайней мере, угощусь обедом за чужой счет».

III. Рабочий день

По обыкновению стоящий у дверей, чтобы незамедлительно выскакивать из автобуса первым, едва тот успеет остановиться на нужной остановке, в этот раз Эвандер был оттеснен далеко вглубь салона. Прижавшись к самому окну, он смотрел в затылки посторонних людей, каждому из которых, к великому сожалению доктора, нужно было ехать непременно в то же самое время и в ту же самую сторону, что и ему. Беспокойно носясь глазами по внутренностям транспорта, он то и дело оглядывался назад и всматривался в окно, чтобы ненароком не пропустить улицу института.

Казалось, время замерло на месте — автобус словно застыл в невесомости, и только количество пассажиров, загромождающих проход к дверям, безудержно росло. Решительно не осознавая, куда же так спешит, Эвандер, тем не менее, готов был сию же секунду броситься на улицу через окно, лишь бы избавиться себя от этого невыносимого ожидания. Кто-то, протискиваясь к выходу, впопыхах наступил ему на ногу. Вздвогнув, как от удара током, Эвандер пробормотал невнятное «Ничего страшного» и, застыв на мгновение, начал продвигаться вслед за человеком к выходу, чтобы не быть застигнутым врасплох толпой, когда придет время выходить самому.

На остановке института вместе с Эвандером вышел прак-

тически весь автобус. Он озадаченно смотрел вслед уходящей публике, гадая, куда же все они могут разом направляться. Строя в голове догадки насчет причины такого аномального интереса к местности вокруг расположения его работы, он даже ненадолго оставил мысли о предстоящей встрече. Впрочем, даже несмотря на то, что юных лиц в толпе виделось немного, вскоре он остановился на теории о том, что это были спешащие на утренние занятия студенты. Сжимая свой чемоданчик изо всех сил, словно боясь, как бы тот не выпал из рук, он брел скорым и размашистым шагом по мостовой. По левую сторону от него открылся симпатичный вид на городскую набережную. Праздный люд слонялся вдоль заботливо расставленных цветочных клумб и мелких лавочек. Сквозь небольшой металлический парапет, имевший вид переплетенных между собой стеблей неведомой науке растительности, виднелась сероватая вода, по которой то и дело проплывали различного вида суденышки.

«Как приятно, наверное, будучи владельцем какого-нибудь, даже самого мелкого катерка, перемещаться до нужного тебе места по воде — никакого стеснения и пустого ожидания, мчишься к поставленной цели напрямик по водной глади. Давно уже человечество избавилось от препятствий, стоявших на пути к свободному плаванию кораблей: гребная эпоха сменилась парусной, та, в свою очередь, уступила место паровой, а затем мы, ко всему прочему, выдумали системы электродвижения, дизельные двигатели и прочие на-

вороты техники, еще сильнее удаляющие человека от унылой обязанности непрерывного поддержания процесса движения. Да, случаются и волнения на море, и, очень может статься, какие-то поломки, но это всего лишь исключения из общего расчета. А расчет в таком деле предельно прост и понятен — выбираешь координаты назначения да прокладываешь курс, а уж всю работу по его следованию сделает за тебя судно...» — думал он, поглядывая на речку.

Нехотя оставив наблюдения за обстановкой по левую руку, Эвандер повернул к подземному переходу. Погрузился в толкотню узкого коридора, ограниченного по бокам уличными музыкантами, демонстрирующими свои вокальные и инструментальные дарования (а чаще их отсутствие), и бродячими продавцами различных безделушек, сующими жуткие в своей нелепости игрушки, сувениры, а иногда и сущности совершенно непонятного назначения в лица прохожим. Почти у самого выхода на поверхность его внимание привлек мальчишка, на вид не старше двенадцати лет. Он сидел на мокром от окружающей сырости куске картона и имел вид исключительно страдающий и несчастный. На нем были давно выцветшие потертые бриджи, футболка такого же качества, с изображением, кажется, какого-то именитого певца, и темные кроссовки, на одном из которых уже начала отходить подошва. Рядом стоял стаканчик с парой закинутых туда монет близкого к минимальному номинала, а сам он держал в руках охапку каких-то крохотных фигурок, вы-

резанных из дерева.

Эвандер остановился рядом с ребенком.

— Сколько стоит фигурка?

Ребенок ничего не ответил, исподлобья нехотя и недоверчиво взглянул на заинтересовавшегося им человека и молча протянул одну фигурку.

«Он что, еще и раздает свои поделки бесплатно?» — подумал Эвандер и решил, несмотря на это, все же положить несколько монеток в стакан. Он отошел в сторону от общего движения, втиснувшись между картонкой, на которой сидел мальчик, и стеной, раскрыл портфель и начал рыться в его содержимом. Открыв небольшой отсек, отделенный от основной части застежкой-молнией, он извлек кошель. Сжав портфель под плечом, принялся отсчитывать монетки, но потом бросил их обратно и с шелестом вытащил подрагивающую на сквозняке банкноту.

Внезапно, не успев взглянуть вперед, он почувствовал резкий толчок в левый бок. Машинально расслабив ладонь и немного опустив плечо, он повернулся, пытаясь опознать источник своего беспокойства. Несколько человек рядом слегка попятились в сторону, недовольно охнув, а в следующее мгновение он обнаружил пальцы своей левой руки в положении, призванном что-то удерживать, и, по всей видимости, благополучно не справившимися с этим предназначением. Высунутая секундой ранее банкнота так и осталась колыхаться в правой руке.

Мальчишка, все это время напряженно следивший за его движениями, подорвался с места. Фигурки словно магическим образом оказались расфасованными по глубоким карманам его бридж, а свободные руки, оттолкнувшись от стены и придав телу начальный импульс, в следующее мгновение уже вовсю болтались в разные стороны, согнутые в локтях.

Эвандер взглянул в сторону удирающего воришки.

— Стой! Стой, кому говорят! Вернись! — прокричал он, рассеянно носясь глазами по уходящей вверх лестнице, которая была полна ничуть не заботящегося о сложившейся ситуации народа.

«Вот ведь негодяи! В последнее время что-то они зачастили, теперь их повсюду полно, а как безобидно выглядят», — послышался голос рядом. Эвандер повернулся — какая-то дама в годах, держащая в руке тканевый пакет с продуктами, смотрела на него сочувствующим взглядом. «Вы не расстраивайтесь, а в следующий раз лучше быстро киньте им монетку, если хотите помочь, да идите себе дальше, не останавливаясь», — сказала она и спокойным шагом пошла к выходу.

Ничего не ответив, Эвандер, еще раз оглядевшись, занял положение у стены — на том же месте, где всего мгновение назад был нахально ограблен двумя малолетними воришками. Подрагивающей от возмущения и резкого прилива адреналина рукой он начал складировать в отдельный отсек портфеля свои исхудалые финансы в виде единственной оставшейся банкноты; рука уткнулась в какой-то твердый пред-

мет. Заглянув внутрь, он увидел деревянную фигурку. «Стало быть, все-таки они не бесплатные», — подумалось ему. Он вытащил новоприобретенный объект из сумки и поднес к свету. По всей видимости, это был тот самый певец с футболки одного из воришек, грубовато вырезанный вручную из небольшой деревяшки. Сходства было немного — широкая блистающая улыбка, длинные волосы, какие-то мелкие детали костюма... но почему-то Эвандеру подумалось именно так. Он кинул фигурку обратно в портфель, спешно закрыл его и устремился наверх, прочь из подземного перехода.

Когда он прошел напрямик через вытянутую вдоль тротуара полосу газона, усаженного деревьями и декоративными кустами (Эвандер считал непозволительным тратить лишнее время на обход данного препятствия, периодически ловя в свой адрес недовольные возгласы садовников), его взору открылся Авертонский университет. От этого места, представляющего собой комплекс из пяти сооружений, исходил запах старинных книг, благородного дерева и свежих чернил. Лабораторный корпус — где было совершено грандиозное открытие и, в чем Эвандер никогда не сомневался, будут непременно совершены и другие, еще более значимые, — был самым низким зданием, насчитывающим всего пять этажей, и располагался позади остальных корпусов.

Это было его пристанище, занимавшее в сердце больше места, чем воспоминания о родительском доме и первой любви. Здесь он всегда чувствовал себя уютно и спокойно, в

отличие от собственного жилища. И теперь, когда он проходил по коридорам и залам с выученными наизусть узорами трещинок на стенах, рассуждения о том, что все это может в скором времени стать для него чужим и лишенным смысла, вселяли в него гнетущее чувство тоски. Он помнил себя еще совсем юным первокурсником, впервые попавшим сюда на практику. Выдалось на редкость теплое для конца зимы утро, когда они пришли на вступительное занятие по органической химии. Кажется, они со знакомым опоздали, заглядывая в соседние лаборатории под видом заблудившихся новичков, потому что профессор на протяжении всего часа недовольно поглядывал на них и упорно пытался при любом удобном случае задавать им замысловатые вопросы, на которые они пока еще не могли знать и приблизительного ответа. Вообще вел он свой предмет без особого интереса, машинально выпаливая куски текста, заготовленные еще в незапамятные времена (когда он сам был молодым и неопытным) и с тех пор не изменившиеся ни на фонему. Такой недостаток был у многих учителей, излишне уверенных, как правило, конечно, небезосновательно, в своих познаниях в той или иной дисциплине. Их тирады едва ли могли пробудить в учениках чувство вдохновения и жажды свершения новых открытий, и, несмотря на это, с первого дня, проведенного в лабораторном корпусе, Эвандер точно знал, что хочет стать частью этого сложного и замысловатого мира научных изысканий.

Он поднялся по лестнице на второй этаж и заметил усердно роющегося в бумагах светловолосого мужчину, несколько грузного телосложения и роста чуть ниже среднего.

— Привет, Джори! Что, буквы перемешались?

— О, доброе утро, шкипер! Эти твои шутки... — Сотрудник лаборатории приветливо взглянул на Эвандера и протянул руку для пожатия.

— Представляешь, сейчас шел через подземный переход, и двое попрошаек умыкнули мой бумажник! Совсем еще дети, я остановился рядом с одним, хотел купить у него побрякушку, чтобы помочь... — И он достал из портфеля фигурку, оставленную ему одним из подростков.

Джори прервал свои поиски, отложив макулатуру на стоящий рядом диванчик, и присмотрелся к игрушке. На мгновение задумавшись, он добродушно ухмыльнулся и перевел взгляд на Эвандера:

— А, видел такие. Эта, кажется, походит на того молодого певца... Он совсем недавно получил известность, а вот видишь, уже и игрушки с ним выпускают — ну точно восходящая звезда. Такие продаются в сувенирных лавках, но что-то мне подсказывает, что твои малолетние разбойники их не покупали... И много было в бумажнике?

— Не то чтобы. А вот сам кошелек у меня еще с начала врачебной практики, помню как сейчас — взял его на первую же зарплату, тогда он обошелся мне в месяц аренды общежития. Успел за такое время к нему попривыкнуть...

Ну да неважно, как у нас дела?

— Ничего нового. Ты же знаешь, мы застряли на доклинической стадии. Вылеченные клетки слишком хорошо адаптируются к препарату, что делать с этим побочным эффектом, пока не ясно.

— Можем продолжить испытания *in vivo*.

— Едва ли есть смысл. Организмы всех доступных лабораторных видов содержат слишком мало нужного нам типа клеток, либо не содержат вообще. Эффект будет на них практически незаметен, в этом и основной парадокс нашего исследования. Мы пытаемся, если угодно, вслепую угадать нужную формулу, и в помощниках у нас только стеклянные пробирки и меловые доски. Но зато, когда закончим с этой стадией, испытания *in vivo* должны пойти как по маслу. Сможем промахнуть этот этап вместе со всем регулированием за какой-нибудь год, ну а пока нужно смиренно продолжать брести в потемках...

Эвандер задумчиво опустил глаза, вглядываясь в незамысловатый узор плитки на полу. Только что услышанное он знал уже давно. Все это было многократно высказано и обдумано на коллективных собраниях исследовательского отдела лично им и его коллегами. И всегда он относился к этому как к естественному ходу вещей, который невозможно переменить и выстроить по собственному желанию. Но сейчас ему вдруг явственно захотелось высвободить один вопрос, который настаивался в голове уже долгое время, смиренно ожи-

дая того момента, когда он сможет обрести окончательную форму и явить себя внешнему миру.

— А что если провести на человеке? — не узнав собственного голоса, вдруг произнес он. Голова на мгновение стала тяжела — он не мог справиться с мыслью, что это действительно были его слова, словно какая-то искаженная версия себя самого овладела разумом и говорит из темного закутка его сознания. Однако это сказал именно он, и спустя миг растерянности Эвандер поднял глаза на своего собеседника, немного нахмутив брови и подавшись вперед от осознания серьезности своего вопроса.

— Что... — До того не ожидавший подобного предложения Джори, словно потерявшись в пространстве, во все глаза уставился на насупившегося главного исследователя. Улыбки на его лице как не бывало.

— Найти какого-нибудь пациента с крайней стадией, который добровольно согласится на участие в эксперименте. Это бы продвинуло нас на несколько шагов вперед и сэкономило уйму времени и ресурсов. Представь, какие данные о необходимых нам белковых клетках могут открыться в ходе всего одного клинического эксперимента.

— Но ведь... Ты подвергнешь опасности человеческую жизнь. Мы не знаем всех побочных эффектов, связанных с введением текущей версии сыворотки в организм человека. Может быть все что угодно: приступы боли во всех частях тела, психические расстройства... И, даже если по-варварски,

бесчеловечно закрыть на это глаза, как ты себе это представляешь? Органы регулирования никогда не допустят препарат, застрявший на текущей стадии разработки, к клиническим испытаниям. А шансов на то, что лекарство подействует с первой попытки, просто нет — и после смерти пациента следы препарата обязательно обнаружатся при вскрытии! Это уголовное преступление, которое влечет еще и полную остановку дальнейших исследований в этой области!

— Как ты можешь помнить, параллельно с исследованиями я уже давно веду врачебную практику в клинике. Мне приходилось общаться с больными на прогрессирующих стадиях — многие из них пребывают в безысходно подавленном расположении духа и будут отнюдь не против послужить напоследок науке... — Он осекся. К чему все эти рассуждения, ведь Джори уже привел железный аргумент против его решения — органы регулирования не подпустят их к настоящим пациентам. А даже если оставить их в стороне, неужели он действительно пойдет на такое, неужели действительно сможет предоставить пациенту непроверенное лекарство, пусть даже и с его собственного на то согласия? Нет, Джори прав. И как ему в голову могла прийти такая абсурдная и пугающая идея? Почему-то внезапно ему вспомнилась недавняя сцена в подземном переходе. Как он роется у себя в бумажнике, вокруг проходят посторонние люди, а подросток зорко следит за его движениями, уже приготовившись к побегу. Мог ли он в этот момент заметить второго воришку? Пожалуй,

что мог. И правда, словно все то время, пока он спускался по лестнице и проходил по вытянутому коридору вдоль попрошайек и уличных музыкантов, краем глаза он замечал то и дело мелькающую подле него фигуру какого-то юнца. Но он был прилично одет и ничуть не выбивался из общей массы народа, роящегося вокруг. Может быть, он действительно нуждается в средствах на существование, а может, это просто малолетний жулик, не желающий прикладывать усилия для достижения желаемого. Сколько еще таких личностей с преступной и лживой натурой скрывается под маской добропорядочных обывателей, праздно разгуливая по свету. И можно ли доверять хоть кому-то среди бесконечного водоворота людей, окружающих тебя повсюду, людей, от которых зависят поистине значимые в твоей жизни вещи, или не зависит ровным счетом ничего, людей, на которых ты надеешься всем сердцем, возможно, отдавая им частичку себя, и на которых смотришь с любопытством, желая узнать о них больше? Кому-то определенно можно. — Впрочем, конечно же ты прав, не знаю, что на меня нашло. Про пациента — это я исключительно гипотетически, надеюсь, ты понимаешь, — и он попытался соорудить легкую заговорщическую гримасу, словно ребенок, попавшийся на том, что специально докучает взрослым глупыми расспросами обо всем подряд. — Давай возвращаться к работе, у нас еще куча дел. Жду от тебя предложений по преобразованию основных расчетных формул.

— Да, конечно, есть пара задумок... — Джори едва различимо кивнул, подобрал с кресла ворох бумаг и поспешно преодолел дверной проем, за которым располагалось основное исследовательское помещение.

Подождав мгновение, Эвандер вошел вслед за ним. Сквозь высокие панорамные окна, кое-где все еще заставленные коробками от инструментов и прочей лабораторной клади, просачивались яркие солнечные лучи. Работники, еще позевывая, с кружками чая в руках приступали к дневным заботам. По правую руку во всю стену были навешаны меловые доски, исписанные бесчисленными заметками и вычислениями, которые в некоторых местах налезали друг на друга, сливаясь в единую разноцветную кучу. Некоторые столы и участки пола были заполнены темными пятнами неопределенной формы, от которых, вероятно, никогда уже не удастся избавиться без полной утилизации самой вещи.

Обогнув стол с заваленным многочисленными бумагами компьютером, главный исследователь устроился в своем кресле. Взглянул на часы и, вздохнув, принялся разбирать электронные письма. Работа никак не шла. То и дело отвлекаясь от начатой задачи, он принимался бездельно вращать головой по сторонам, всматриваясь в какие-то мелкие детали интерьера комнаты. Мысли тоже хаотично витали в пространстве и никак не могли выстроиться в цельную линию. Несколько раз вспомнился разговор с миссис Лоренс и ее

замечания про разгулявшийся ветер, упущенный кошелек и полученная взамен фигурка, утреннее письмо с приглашением на деловой обед от некого Эдрика Уинслоу. Была и еще одна, постоянно ускользающая от него мысль. Кажется, это было что-то в достаточной степени важное, чтобы приложить усилие и вспомнить, но как бы он ни старался, сделать этого не получалось.

Раздался телефонный звонок, трубку поднял Джори.

— Эвандер, это тебя. Женский голос, кажется, это Фэй.

«Несомненно, это Фэй». Вообще, Эвандеру не нравилось, когда возлюбленная звонила ему в рабочее время, сбивая, по его мнению, с нужного делу настроя. Сам он в течение дня почти никогда не звонил ей, кроме тех случаев, когда требовалось подтвердить запланированную заранее встречу. Тогда он нехотя подходил к телефону и набирал номер. Однако сейчас, словно гончий пес, только и ждавший команды, он заспешил к противоположной стороне кабинета с такой стремительностью, что едва не опрокинул на себя кружку с чаем, поднимаясь с кресла. Подойдя к Джори, он выхватил у него из руки трубку, спешно пробормотал: «Спасибо, возвращайся к работе» и, отойдя от сослуживцев как можно дальше, насколько позволял провод, поднес телефон к уху.

— Привет, что-то случилось?

— Привет, милый. Нет же, почему обязательно должно что-то случиться? — донесся голос Фэй. Этот голос... если бы вся доброта мира вдруг соединилась в сплоченную сущ-

ность и начала говорить, она звучала бы так. Отнюдь не тонкий и ни капли не грубый, мелодичный и ослепительно чистый, этот голос звучал словно сладкая, убаюкивающая колыбельная матери перед сном, и даже телефонные помехи не могли скрыть этой удивительной благозвучности.

На мгновение Эвандер слегка отвел ухо от трубки — за годы, проведенные в отношениях с Фэй, он так и не смог привыкнуть к ее голосу, звучащему через телефон. В детстве, когда они были друг другу не больше, чем одноклассниками, и общаться им доводилось совсем не часто, пожалуй, он мог бы сказать, что у нее приятный тембр. Да и сейчас, когда он слышал этот голос вживую, он не вызывал у него пренебрежительного чувства. Однако каждый раз, когда он слышал его по телефону, его словно били в ухо крохотным разрядом тока.

— Ты права... слушай, мне тут на днях пришла почта, представляешь... А впрочем, ничего важного, снова подняли счета за жилье. А миссис Лоренс завела собаку — какого-то мелкого злобного пуделька — подумать только, какво теперь ее мужу... — «Неужели я только что хотел так бездумно проболтаться про предстоящую встречу, и кому, Фэй?! Она же совершенно ничего не смыслит в таких делах, даже несмотря на то, что работает над собственным архитектурным проектом... Каждый раз, когда я пытался рассказать про сложности с разработкой, она просто отвечала, что верит в меня и у меня обязательно все получится...»

— А что ты хотел, за такой чудесный особнячок, как у тебя, не жалко отдать и чуть больше! Наверное, коммунальные службы просто завидуют жильцам на вашей улице, ведь вы успели ухватить себе дома в таком приятном районе до повышения ипотечной ставки! — Фэй невинно и обаятельно рассмеялась. — А миссис Лоренс... я думаю, им обоим будет только лучше с питомцем в доме, ты же знаешь, как пусто становится на душе у родителей, когда дети вырастают и отправляются в большой мир, оставляя их наедине с самими собой... Ах, жду не дождусь, когда можно будет снова навестить тебя, мы бы зашли к ним в гости, они такие приятные люди! Ты же относишь миссис Лоренс посуду из-под ее выпечки? Последний раз, когда я у тебя была, ее блюда вываливались из раковины, точно карты из рук нерадивого фокусника...

Если бы вся доброта мира вдруг соединилась... Сколько он ее помнил, Фэй всегда обладала этим, на его взгляд, поразительным в своей нелепости простодушием. В школьные годы она то и дело норовила встрять в какую-нибудь абсурдную авантюру, связанную с этой ее чертой характера. Однажды весь день носила у себя в сумке какого-то дохленького птенца, подобранного у придорожного столба по пути на учебу. И как его только ни холила, утащила из столовой со стола пару булочек и крошила себе в сумку на каждом уроке, а на переменах все свободные минуты проводила у раковин, отпаивала его из пригоршни. Впрочем, птенца и правда

было жалко. Даже учитель — тот, который был в школе самый суровый, вечно говорящий на тон выше положенного, да так, что даже самые бойкие робели под волной его баса, смиренно опуская глаза на парту и прекращая всякое буйствование, — услышав глухое щебетание, подумал было, что его хотят разыграть, навис над их с Фэй партой, весь красный и сморщенный, как переспелый гранат, а потом заглянул в сумку и так и расплылся в улыбке — никогда больше не видели его таким мягким. После этого, едва он отпустил учеников на перемену, как все стремглав выбежали из класса, окружив направляющуюся к водопою Фэй, и каждый непременно хотел посмотреть на птичку да потрогать... А затем, после занятий, все пошли играть на аллею перед зданием, и Фэй с ее питомцем взяли с собой, хотя в обычные дни никто с ней особенно и не общался. Поставила она свою сумку на землю возле дерева, а какой-то старшеклассник, высокий и сутулый, видимо, заметил шевеление внутри, да как пнет по портфелю, только перышко внутри осталось. А птенец шмякнулся о траву, перекатился вперед и лежит, не шевелясь, и только глазки ерзают по сторонам. Она к нему подбежала, да не успела притронуться, как он, еле ворочая крыльями, запорхал прочь с аллеи. На следующий день после этого в школу она не пришла, а потом еще неделю ходила понурая и мрачная, ни с кем не разговаривала и даже на вопросы учителей отвечала отчужденно и излишне для ее тогдашнего возраста формально.

— Милый, я просто хотела напомнить, что ты обещал заехать ко мне в проектную мастерскую вечером. Сегодня я провожу осмотр строительной площадки. Пыталась перенести его на другой день, но управляющий настоял на четком следовании плановым процедурам... Поэтому давай увидимся где-нибудь в восемь, идет? У меня для тебя сюрприз к твоему...

— Дню рождения, я помню. Да, конечно... — Забыть про собственный день рождения... В такие моменты Эвандер сам поражался своей рассеянности. Он оглянулся, окинув взглядом комнату; все были заняты своими делами, ведя себя настолько естественно и непринужденно, что казалось, словно делают это нарочно. В разговоре повисла неловкая пауза, которую решительно прервала Фэй:

— Тогда жду тебя! Надеюсь, за работой время до вечера пройдет быстро, хочу поскорее тебя увидеть. Когда же мы виделись последний раз, кажется, с неделю назад?!

— Да, наверное, около того. Ты же знаешь, я был очень занят, Фэй, да и тебя со стройки не всегда вытащишь... Ладно, мне пора возвращаться к делам, увидимся вечером.

— Целую! Не ужинай в городе, обещаю, я что-нибудь нам приготовлю, пока!

Эвандер повесил трубку. «Ну что за неказистый выдается день! Оказывается, кроме всего прочего нужно будет тащиться за город, да еще и вечером... Впрочем, все лучше, чем возвращаться раньше времени под купол», — подума-

лось ему.

Он взглянул на часы — уже скоро некий субъект, известный ему под именем Эдрик, будет ждать его в некоем заведении на улице Провиденс, а это, кроме всего прочего, еще и на другом конце города. Неспешно вернувшись на свое рабочее место, он принялся пересматривать результаты последних испытаний некоторых пробных версий сыворотки. Через несколько мгновений он обнаружил стол слегка потрясывающимся, словно от небольшого подземного волнения — это его нога судорожно тарабанила по полу с такой частотой, будто в нее вселился дятел, жаждущий во что бы то ни стало добыть себе из куска паркета пропитание. Беглый осмотр окружавшей его обстановки еще сильнее усугубил поглощающее чувство волнения. Пожалуй, он и сам не мог определить причину своей взбудораженности. За все время работы над исследованием предложения о покупке, или, как это часто называли, «деловом сотрудничестве», разной степени низкопробности поступали к нему отовсюду. Стабильно, раз в несколько месяцев он получал полные лестных слов и шаблонных похвал сообщения на электронную почту, в которых несметное множество юридических имен демонстрировало свои амбиции насчет его патента. Встречались среди них и весьма крупные игроки с предложениями, претендующими на солидность. Но по большей части это были какие-нибудь шарлатаны — скупщики патентов с бирж интеллектуальной собственности, мелкие шарашки и совсем уж непри-

глядные, серые личности. Обращались они к Эвандеру и напрямую, и через финансирующую разработку организацию — Авертонскую клинику. Как правило, останавливались на электронных письмах, реже их горизонт мысли захватывал и область коммуникаций посредством бумаги, а некоторые индивиды, в особенности одаренные наглостью, могли и потревожить его звонком на работе, во время обеденного перерыва, но никогда дома. Тогда чем же так привлекло его конкретно это предложение, и почему появилось оно именно сейчас? А может, и привлекло оно его как раз-таки потому, что появилось именно сейчас? Что изменилось в его жизни — в окружающей обстановке, людях и событиях, — что так внезапно и уверенно вывело его из привычной колеи житейской тяготы, направляющей его уже долгие годы? Ответов на эти вопросы у Эвандера также пока что не было. Единственное, что он явственно сознавал, — это бурлящее, жгучее ощущение в сердцевине организма, расползающееся до самых дальних его краев словно магма, которое действует против его воли, а вместе с тем будто этой самой волей и является. Оно обличает самые далекие и забытые мысли, старательно замурованные глубоко внутри сознания, как старые вещи, которые прячут в покрывшийся паутиной чулан, чтобы никогда больше к ним не вернуться. Это ощущение меняет само мироустройство, старательно и кропотливо выстраиваемое в течение всей жизни усилиями окружавших Эвандера людей и явлений, поворачивая вектор его стремления

вспять, в неизведанную, пугающую и, вместе с тем, желанную сторону. Но пришло ли это чувство извне, или оно всегда находилось внутри него, ожидая своего часа, чтобы дать вожащенные плоды?

Торопливо собрав подрагивающими пальцами кучки раскиданных на столе документов в портфель, он поднялся из кресла и потянулся в карман за пачкой сигарет, вновь уткнувшись пальцами в клочок бумаги с деловым приглашением. Даже несмотря на то, что встреча намечалась отнюдь не близко относительно его текущего местоположения, выдвигаться было рановато, однако он размашистым шагом и чуть ли не вприпрыжку направился к входной двери кабинета.

— Эвандер, уже собираешься на обед? — слышался голос Джори.

— Да... У меня, гм... встреча... с финансистом от клиники, нужно обсудить зарплатный бюджет на будущий год.

— Подожди немного, я выйду с тобой на улицу, не угостишь сигареткой?

— Ну, да... да, само собой.

Эвандер остановился в дверном проеме, поддерживая дверь спиной. Пальцы левой руки перебирали упаковку от сигарет, сжимая ее как резиновый мячик, пальцы правой руки проделывали то же самое с ручкой портфеля.

— Честно говоря, он, наверное, там уже заждался, когда я удосужусь явиться.

— Все, иду! Мне еще нужно тебе кое-что передать.

«Передать? И нужно было обязательно выжидать для этого половину рабочего дня?! Ну что за неказистый день...»

Коллеги вышли на залитую солнцем и усеянную беспечно отлынивающими от занятий студентами площадку. Джори присел на свободную лавочку, однако его собеседник остался стоять, нервно шастая глазами по сторонам и звучно постукивая пальцами по кожаному корпусу сумки, и когда тот протянул ему помятую за время ожидания наверху сигарету, он вновь занял вертикальное положение.

— Так, и что же ты хотел мне рассказать? — быстро осведомился Эвандер.

— В общем-то, глупость, но передать надо... У тебя все в порядке, ты какой-то беспокойный сегодня?

— В полном... А на самом деле в последнее время снова начал плохо спать, постоянные приступы бессонницы. Погода, наверное, как-то влияет... словно осень подступает быстрее назначенного ей времени, тебе так не кажется? — отрывисто произнес Эвандер и, отвернув лицо в сторону от сослуживца, задумчиво втянул полные легкие никотина.

— Да ты что, на улице такая жара — хоть без рубашки ходи. Мы с детьми собираемся на этих выходных съездить в соседнюю деревушку. Снимем номер в местной гостинице, с утра пойдем на рыбалку, а потом, после полудня, можно будет и искупаться. Кстати, держатель гостиницы готовит отменные отбивные с жареной картошкой на ужин, дети их

просто обожают, да и нам с женой, признаться, долго еще после них не хочется возвращаться к покупной еде...

— Ага, я помню, ты как-то рассказывал про это место. — Но по правде Эвандер никогда раньше не слышал от Джори про деревушку с озером и прекрасными отбивными. — Ты, кажется, что-то хотел мне передать? Я весь внимание.

— Ах, ну да, и правда, пожалуй что рассказывал... В общем, вот. — И он, предварительно обшарив глубокие карманы своей некогда чистой старенькой жилетки, вытащил наконец сложенный вдвое конверт, весь измазанный пятнами от реагентов неопределенных цветов.

— Что это? — осведомился, нахмутив брови, Эвандер. Лимит терпимости к различного рода деловым предложениям на сегодня был уже исчерпан утром. Подступила новая волна тревоги, сопровождаемой усиленным подрагиванием конечностей и проступившей на лбу испариной.

— Я же сказал — глупость, ничего особенного. Какое-то приглашение на какую-то завтрашнюю вечеринку. Приглашают весь наш отдел, пишут, что для нас вход бесплатный...

— Ах-х... но... а кто приглашает? Как зовут отправителя? — И Эвандер, с облегчением вздохнув и взяв в зубы практически истлевшую сигарету, принялся медленно разворачивать врученное ему послание, стараясь особенно не касаться мест попадания на бумагу реагентов.

— Нет, отправитель не указан, — поспешил ускорить процесс поиска ответа Джори. — Есть только адрес и время, да

еще рекомендации по дресс-коду...

— А почему приглашают всех из отдела? Это какое-то профильное мероприятие от лаборатории или вроде того?

— Полагаю, что так. Написано, что это «дружеский вечер». Наши почти все сразу отказались. Я схожу, и если будет что-то важное, передам тебе, так что если не хочешь — то и не обязательно идти. Да ведь у тебя завтра еще и день рождения! Скорее всего, есть свои планы. А на работу завтра придешь? В общем, если решишь не ходить...

— А почему нет, раз приглашают — нужно идти! Вдруг организуют что-нибудь сносное. Народу, по всей видимости, должна явиться просто тьма, раз они собирают людей целыми рабочими отделами.

«Ну надо же, какая удача. Мало того, что не нужно будет что-то придумывать самому на свой же праздник, так еще и можно выбраться, хотя бы на вечер, в общество. Может, посчастливится завести беседу с интересными, авторитетными людьми... Когда же я в последний раз надевал свой любимый костюм?...» — и Эвандер устремился мыслями в свою гостиную, к самолично прибитому к стене крючку, на котором красовалась вешалка с его парадным одеянием. Элементы костюма были куплены им в разное время — средства на приобретение каждого из них бережно и усердно откладывались по несколько месяцев — и имели для него высокую ценность не только в материальном выражении, но и, в первую очередь, в духовном. Раздумья насчет рацио-

нальности подобного рода затрат казались ему неуместными и даже зловредными. Каждый раз, когда Фэй пыталась выведать причину таких беспечных приобретений (что, впрочем, случалось не часто), Эвандер, зарываясь в кокон своей собственной раздражительности, принимался отмалчиваться, изредка отмахиваясь ответными колкостями в адрес возлюбленной. Как правило, такие разговоры заканчивались легкими ссорами и последующей взаимной обидой, которую Фэй не могла выносить долгое время, первой идя на попятную. Правда же заключалась в том, что он и сам до конца не понимал собственной мотивации к подобного рода вожделениям. Эта одежда, как и некоторые другие скромные имущественные атрибуты, были крепко сопряжены в его сознании с успешным образом того, чего он хотел достичь и о чем грезил. И, хотя он понимал, что обладание отдельным физическим объектом само по себе не превратит тебя в предмет твоих стремлений, все же это обладание являлось для него вещью необходимой и, в каком-то удивительном смысле, даже более притягательной, чем сами его конечные стремления. Порой, облачаясь в этот костюм (который, между прочим, был куплен в одном из тех магазинов, в которых при входе из соображений безопасности у тебя бдительно осматривают сумку и карманы), ему даже казалось, что он уже достиг всего того, о чем мечтал и к чему стремился, и что осталось лишь выйти на улицу, чтобы весь мир узрел гениального создателя главного лекарства тысячелетия и спасителя

миллионов несчастных душ.

— Не думал, что ты захочешь тратить время на праздные вечера. Отлично, значит, будем там по крайней мере вдвоем, прикрывать друг другу тыл! — По лицу Джори скользнула мимолетная улыбка. — Кстати говоря, туда, если я правильно помню, можно приходить с парами. Я возьму с собой Кэтрин, она будет рада выбраться куда-нибудь вечером.

«Просто невероятный подарок — еще и не придется объяснять Фэй, куда я собираюсь пропасть в вечер своего дня рождения. Пойдем вместе, надеюсь, в этот раз она сможет подобрать более изысканный наряд, чем тот, в котором ходила на нашу последнюю прогулку по городу».

— Ага, тогда не буду от тебя отставать! Мы придем вместе с Фэй, заодно все и познакомимся...

— Познакомимся? Мы ведь давно знаем друг друга... Ну, договорились. Нужно было сказать тебе сразу, как получили письмо, но вчера ты, кажется, возился с расчетными бумагами, велел не отвлекать тебя по пустякам. А перед уходом я по рассеянности оставил конверт на химическом столе...

— Да все в порядке, — бросил Эвандер, уже не глядя на собеседника. Он мельком взглянул на часы — спешить еще было совершенно некуда — и развернулся в сторону основных корпусов института, за которыми располагалась набережная. — Мне пора, Джори, увидимся позже.

Поддержите автора, оцените книгу на [литреси](#) подпиши-

тесь на [телеграм-канал](#). Для меня это очень важно - так я узнаю, что мое творчество кому-то интересно.

IV. Двери и лестницы

Когда доктор оказался возле нужных дверей, заведение еще даже не было открыто. Оно располагалось в причудливом косом здании, воцарившемся посреди гущи несуразно шатких на вид пятиэтажных домишек, и внешне больше походило на какой-то погреб, стилизованный под место общественного питания, нежели на само такое место. Все здание было истыкано различного рода балками и решетками, на которых тут и там сидели стайки ворон, воинственно поглядывающие по сторонам. При беглом взгляде на него можно было бы констатировать, что это некогда рентабельное жилое строение, к проектированию которого приложил руку незаурядный энтузиаст своего ремесла, ныне пребывающий безлюдным. Однако, если присмотреться повнимательнее, некоторые следы местной жизнедеятельности все же проступали въяве: за редкими окнами виднелись различимы предметы быта, вроде комнатных цветов или настольных ламп, а с торцов здания располагались два как две капли воды похожие друг на друга магазинчика, название одного из которых было перевернутым названием другого. Само же заведение находилось как бы посередине здания, а обнаружить его среди общей монотонности потемневшего кирпича можно было только по крохотной вывеске, закрепленной над угрюмой входной дверью со стеклянной вставкой посередине, сквозь

которую проглядывала ведущая вниз лестница. Рядом с названием мелким шрифтом было указано время работы — «круглосуточно», а еще более мелким шрифтом приписано — «пространство для деловых встреч».

Воровато оглядевшись по сторонам, Эвандер предпринял еще одну попытку дернуть входную ручку, приложил руки к стеклу, загораживая дневной свет, и всмотрелся вглубь помещения. Новой информации удалось получить немного — внутри было темно, и только в самом конце лестницы поблескивал тусклый, едва заметный огонек. Эвандер отошел от двери, взглянул на унылое кирпичное нагромождение, служащее прибежищем для десятков маленьких настороженных глаз и беспокойно вздрагивающих когтистых лапок. Глубоко вздохнул и, порывшись в кармане, достал письмо и еще раз перечитал указанный в нем адрес. Ошибки нет — его действительно пригласили на деловую встречу в место, которое, возможно, уже и не работает вовсе, а даже если и работает, выглядит так, словно проектировалось с расчетом на то, что ни один добропорядочный человек не станет проводить в нем встречи, расцениваемые как деловые. Он отвернулся прочь от здания и, щурясь, уставился в безоблачную даль неба, по которой неустанно продолжал свое вялое движение красный диск солнца. Разум начало заполнять ноющее чувство разочарования. Половина дня была потрачена на беспочвенные треволнения и глупые рассуждения о возможном будущем из-за этого письма. И как ему только в го-

лову могла взбредить мысль о том, что это предложение хоть чем-то отличается от дюжин других подобных, не стоящих даже того, чтобы быть услышанными или прочитанными... И все-таки он уже здесь, стоит, ожидая встречи, какой нелепой и безнадежной бы она ни была. А раз уж он нашел время добраться сюда, найдет и еще немного, чтобы дождаться откровения забегаловки и появления личности, о которой он пока не знает толком ничего, кроме его потенциального имени.

Доктор отошел в сторону от входной двери злачного заведения и принялся, невольно переминаясь с ноги на ногу и ежесекундно отслеживая положение стрелки на часах, считать количество остроконечных зубцов на крышах ближайших зданий. Внезапно позади послышался оглушительный гул, состоящий из протяжного карканья и резкого хлопанья крыльев. Он оглянулся — по всей видимости, неожиданно обрушившийся на улицу порыв ветра всполошил птиц, и без того не особенно славящихся безмятежностью. Закружив в воздухе прямо над его головой, вороны принялись судорожно оглядываться, бросая исполненные животной ярости взгляды на землю. «Будет очень некстати, если все эти глупые создания разом решат, что это я — источник их беспокойства», — подумал он и с этими мыслями направился в один из магазинчиков.

Не то чтобы он боялся стайки уличных птиц — хотя, вероятно, их внезапный переполох сыграл не последнюю роль в принятии решения по смене выжидательной позиции, —

просто Эвандер по природе своей относился к такому суетливому типу личностей, которым всегда требовалось ощущение, хотя бы и крохотного, а все-таки движения, действия. С детства обладал он поразительной неспособностью к сохранению сидячего положения сколько угодно долгое время и постоянно норовил — то дома, за обеденным столом в кругу семьи, то в школе, во время бесконечно тянувшихся уроков, то впоследствии и в университете, на занятиях гуманитарного толка, считавшихся им наипустейшей тратой человеческого ресурса, — поерзать да покрутить головой, изворачиваясь на стуле точно уж на сковородке, а при любом удобном случае и вовсе избегнуть, хоть ненадолго, занимаемого им положения. Курение, к которому его приучили некоторые из университетских товарищей, гораздо менее невозмутимо относившиеся к практическим занятиям по общей анатомии и прочим схожим дисциплинам, также служило для него одним из механизмов намеренного выхода из состояния гомеостаза — того, в котором он начинал чувствовать как бы легкий зуд внутри себя, вызываемый нехваткой действия. Оттого еще более удивительным и абсурдным становится тот факт, что Эвандер решительно отрицал всякого рода спорт. Ему не нравился ни просмотр профессиональных матчей, ни, тем более, личное участие в каких-либо спортивных мероприятиях. Единственная физическая нагрузка, признаваемая им в полной мере, была прогулочная ходьба между двумя точками: его исходным местом,

в котором он находился в определенный момент, и местом необходимого назначения, где он, по какой-нибудь надобности, должен был вскоре оказаться.

Оказываться вскоре в магазинчике на углу дома ему, может быть, и не требовалось, однако зашгал он туда весьма спешно и с несвойственным ему проворством, да таким, что весь покрылся двойным слоем пота, когда наконец достиг двери лавчонки. Изнутри она выглядела еще меньше, чем снаружи, — неприлично мелкая и тесная каморочка с несколькими десятками полок да парой стеллажей, наполовину пустых, а на вторую половину уставленных товарами, завезенными, кажется, еще до того, как магазин успел открыться, и не вызывающими желания не то что совершать покупку, но и просто на них смотреть. Эвандер остановился ненадолго возле одного из стеллажей и окинул взглядом пространство, ища глазами что-то, связанное с табаком. Помимо отсутствия в лавке сигарет обнаружилось еще и отсутствие в ней продавца. Доктор подошел к небольшой кучке железных пластинок, образующих нечто вроде кассовой стойки. Слегка нагнувшись, чтобы получше их рассмотреть, он заметил — или во всяком случае ему показалось, что заметил, — что одна из пластин, служащая для конструкции бортика, свободно парит в пространстве отдельно от остальных деталей. «Неужели она и правда ничем не соединена с самой кассой?! Скорее всего, какой-нибудь наивный трюк, вроде тех, что показывают уличные артисты-левитаторы на круп-

ных площадях, якобы застывающие над землей в разных вальяжных позах. И здесь тоже есть какое-то мелкое крепление, удерживающее эту железку, просто его куда-то запрятали...» — рассудил Эвандер и решил не продолжать дальнейший осмотр причудливого предмета интерьера.

За стойкой располагалась деревянная дверь. Однако у редкого обывателя повернулся бы язык назвать ее дверью в привычном смысле этого слова — это был скорее люк формы, близкой к квадратной, размещенный вертикально. Размером он был таким, что Эвандеру пришлось бы сложить себя пополам, чтобы в него пролезть, а ручка у него была... Сверху и посередине? Да, это и вправду походило на дверцу от необычайно большой духовки, как и подумалось ему с первого взгляда. Вся эта лавка изначально не вызвала в нем особенной симпатии, но сейчас она попросту начинала его пугать. «И как она до сих пор может работать? Если бы из всех магазинов города табак продавался только в этом, я бы скорее бросил курить!» — раздраженно заключил он про себя и развернулся прочь от кассы и дверцы, когда портфель вдруг, порхая за его рукой, очень некстати задел несколько потонувших в пыли баночек с неизвестными субстанциями. Они, пользуясь предоставленной им возможностью, решили немедленно освободиться от оков давно позабытого миром места своего пребывания и оглушительно рухнули на пол.

— Да черт тебя... — вырвалось у доктора. Он смахнул прицепившийся клочок пыли с портфеля и уставился под но-

ги.

Все ботинки и нижняя часть штанин были залиты бледно-красной липкой жидкостью. По всему помещению в мгновение распространился какой-то тяжелый затхлый запах. У Эвандера закружилась голова, края объектов начали расплываться, а напряженные глаза намокли от проступивших слез. Подняв их вверх, к одиноко болтающейся на потолке лампе, он вытер их рукавом рубахи, проморгался и на миг замер, стараясь вобрать в ноздри как можно больше воздуха.

«Нужно убираться подальше из этой проклятой лавки... Но что делать с банками? Неужели я вот так уйду, оставив за собой эту массу на полу... Да и за испорченный товар нужно заплатить». Он аккуратно обошел продолжавшую расплываться по полу лужу, словно его ботинки и так не были целиком залиты этой субстанцией, и подобрал одну из уроненных им склянок. Повертев ее какое-то время, он не нашел ни ценника, ни даже сколько-нибудь пригодного к прочтению текста с описанием содержащейся внутри жидкости. Попытался поставить ее на полку, но стекающая с ободка красноватая капля остановила его, и он швырнул банку обратно в лужу.

Делать было нечего. Подобравшись назад к кассе, Эвандер звонко постучал по металлическому корпусу и прокричал:
— Извините! Есть тут кто? — Ответом ему служило молчание, и даже на улице все словно притихло и прислуша-

лось... — Я по рассеянности уронил с полки ваш товар, неплохо было бы за него заплатить, прежде чем я уйду.

Тишина начинала действовать ему на нервы. Доктор решил предпринять последнюю попытку выйти с владельцем лавки на контакт, пред тем как убраться из нее, не заплатив за беспорядок ни монеты. Он обогнул кассу и стукнул костяшками пальцев по деревянной доске неказистого люка-дверцы от духовки. Вроде бы за дверцей пронеслось гулкое эхо. Оглянувшись и немного выждав, он стукнул еще пару раз. В голове мелькнул образ каких-то катакомб и того, как он смиренно стоит и ждет у входа, ясно понимая, что никого не дождется оттуда, изнутри. Чаша его терпения переполнилась окончательно. Посильнее прижав портфель, он уверенно схватился за ручку дверцы и потянул ее на себя.

Какую-то долю секунды та не поддавалась, словно некто изо всех сил удерживал ее с обратной стороны. А произошедшее следом заставило Эвандера, словно ошпаренного, отдернуть руку, вздрогнуть всем телом и издать давно рвущийся наружу короткий, но пронзительный возглас. Дверка открылась нараспашку, и из нее лавиной хлынул мертво-холодный поток воздуха, который привел в движение дряхленький ветряной колокольчик, притаившийся возле лампы под самым потолком. Колокольчик, с годами, по всей видимости, только улучшивший свои звуковые данные, громко и резво задребезжал, и этого дребезжания вполне хватило, чтобы Эвандер пожалел о том, что вышел сегодня

из дома.

Перебирая про себя всю знакомую ему палитру брани, он попятился, уперся нижней частью бедра в что-то прохладное, испугался от этого еще сильнее, осознал, что это пресловутый железный бортик кассы, немного успокоился, перевел взгляд на открытую дверцу и замер в растерянности. За ней находилась освещаемая только уличным светом с лавки небольшая лестница, ступенек в пять, которые вели в мрачный, затянутый паутиной коридор с голыми бетонными стенами и клочками земли по углам.

Испуг понемногу отпускал, и, оправившись от легкой дрожи в коленках, Эвандер осторожно и коротко, стараясь не побеспокоить подсвеченного солнечным лучом паука, ползущего по стене прочь от внезапно открывшегося его взору внешнего мира, произнес:

— Извините, есть кто-нибудь? — и уже собирался отправиться на улицу, как услышал из глубины коридора протяжный, старческий голос. Он был скрипучим и каким-то чрезмерно натужным, однако, при всем при этом, нельзя было сказать, что он звучал неприятно.

— Да, да... сию минутку, сейчас подойду. Подождите немного там, наверху, не уходите.

«Наверху...» — повторил про себя Эвандер. В памяти снова всплыла картина, как он стоит у неведомо откуда возникших в сознании катакомб и смиренно ждет неизвестно кого. Однако голос, донесшийся из темноты, все же скорее

успокоил его нервную систему, чем вызвал новый прилив беспокойства. «Это всего-навсего какой-то старик. Вероятно, держит эту лавку еще с незапамятных времен — выкупил помещение, когда дом только строился, — вот и не продал до сих пор свою каморочку, привык к ней. А внизу, скорее всего, склад продовольствия, ну конечно, придумаешь же всякого...» — размышлял он, понемногу приводя учащенное дыхание в норму.

На свету начал вырисовываться мерно шагающий по ступенькам силуэт человека. Первое, что заключил Эвандер — несмотря на обильную седину, которая пробивалась в его необычайно густых волосах и ухоженной бороде, человека едва ли можно было назвать стариком, а если он и являлся таковым, то решительно не выглядел на свой возраст. Взгляд был прищуренный и затейливый, а в уголках рта застыла еле заметная ухмылка. Одет человек был в простенький, местами потертый костюм с чрезмерно длинными рукавами, из-под которых виднелись жилистые пальцы. Поднимаясь по лестнице, он одной рукой придерживался за стену, но явно не из-за того, что ему физически было тяжело подниматься, — как показалось Эвандеру, это было нужно для дополнительной координации в пространстве.

— Я заставил вас ждать? Простите меня, пожалуйста. Нечасто ко мне в последнее время заходят посетители. Печальная тенденция, я даже начал понемногу отказываться от некоторых поставляемых товаров — все равно никто не раз-

бирает. А жаль... столько всего интересного мне сюда привозили временами...

— Я тут... я по неосторожности уронил несколько ваших товаров с полки. Полагаю, я должен возместить ущерб. Вот — эти банки, — и Эвандер, отойдя от дверцы и встав возле стеллажа, указал пальцем на пол, по которому, понемногу теряя проворство, однако же, к его большому сожалению, все еще шевелясь, продолжала растекаться липкая субстанция.

Седой человек выбрался из причудливого подвала. Ростом он был чуть ли не на голову выше Эвандера, а ведь тот и сам, в свою очередь, вполне небезосновательно считался человеком рослым и привык, общаясь с собеседниками, смотреть на них как бы немного сверху вниз. Откровенно щурясь на попадающий в глаза солнечный свет, словно его только что пробудили ото сна, которым его организм еще не успел насладиться сполна, владелец лавки начал шариться в кармане своего пиджака, кажущегося бездонным. Наконец, ухватившись за что-то, он постарался выудить это наружу, но вместо необходимого предмета наружу посыпались какие-то опилки, куски веревок, обрывки бумаги и прочий хлам. Застыв на мгновение как бы в раздумьях, он положил полу пиджака на кассу, вывалил из кармана все несметное полчище своих сомнительных пожитков и торжественно извлек с самого дна небольшую лупу в красивой, кремовой оправе.

— Давайте взглянем на учиненный вами беспорядок. Ох-х... — Он медленно подобрался к одной из банок, валяв-

шейся неподалеку от его ног, схватил ее всей ладонью, по-видимому, ничуть не переживая, что может замараться со-держимым, и, прокручивая ее в руке, стал посматривать на нее через лупу.

— Вряд ли вы разберете на ней что-нибудь. Я так и не смог...

— Ах да, вот что! — радостно воскликнул вдруг владелец, возможно, несколько более резко, чем этого требовала обстановка. — Посмотрите-ка сюда! Неплохая вещица, не правда ли? — И он уставился на новоиспеченного посетителя своей лавки широко раскрытыми глазами, исполненными торжествующего огонька внутри, словно у ребенка, наткнувшегося во время прогулки на греющуюся под лучами солнца ящерку.

Эвандер сделал полшага вперед, остановился и попытался сделать вид, будто и сам что-то разбирает на выцветшей, запыленной и залитой красноватым веществом стенке жестянки, — под бдительным взглядом хозяина заведения он ощущал себя в высшей степени неуютно.

— Послушайте, гм... мне пора, я, кажется, уже опаздываю на, гх-м, деловую встречу. Собственно, я просто проходил мимо, подумал заглянуть и приобрести табаку, да вот случайно задел портфелем полку, пока вас ждал. Скажите, сколько я вам должен за эти товары и за беспокойство... И я пойду.

— Не нужно так спешить, молодой человек. Я проведу все

необходимые расчеты и сообщу вам стоимость ущерба, будьте уверены. В конце концов, вы залили пол моего магазина водоземлюсионной краской, — с неожиданной бесстрастностью и твердостью произнес старик. Улыбка испарилась, банка прекратила свое медленное вращение в поджарой ладони, и только бледный огонек азарта все еще продолжал мерцать в глубине глаз.

— Значит, быстро отмыть не получится... — протянул Эвандер, покосившись на свои безнадежно затопленные краской ботинки. Он постарался прикинуть, может ли краска давать такой едкий аромат, — сознание уверенно выдавало отрицательный ответ. — Скорее всего, срок годности у нее уже несколько вышел.

— Ничего подобного! — с жаром выпалил старик, приподняв руку вверх, по всей видимости, в знак протеста. — Все, что есть в магазине — свежее и исключительно высшего сорта! Раньше тут у меня было не протолкнуться, каждый мог отыскать среди этих полок все, что душе угодно, раздобыть для себя все, что бы ему только ни потребовалось. Раньше, когда люди всерьез и с любовью подходили к своему делу, каким бы заурядным или истомляющим оно ни казалось, когда их волновала вся поразительная в своей необъятности прямая времени, отведенная человечеству, а не только скудная ее крупинка во мгновении, которое называют настоящим, когда они еще не гнались... За чем там они сейчас гонятся? — с застывшей в воздухе рукой продолжал

старик, устремив, словно под действием гипноза, взгляд в одну-единственную точку пространства. Но смотрел он не на полинялую стену своей каморки, как могло бы показаться какому-нибудь неожиданно объявившемуся посетителю, а как бы сквозь эту стену, силясь воссоздать в сознании картину всей своей прошлой жизни.

Эвандер понял, что старик, вероятно, уже долгое время ни с кем не беседовал и посему просто намеревается выговориться, как и поступают многие люди его возраста, на свою отраду обретающие внезапного, пускай и мимолетного, собеседника. Очень может статься, что попытки прервать диалог или хотя бы устремить его в другое русло, ведущее к наиболее быстрому его завершению, могут обернуться ухудшением и без того незавидного положения. Поэтому он аккуратно поставил на ближайшую полупустую полку свой портфель, скрестил руки на груди и, уставившись на пол, приготовился к одной из тех историй, которые, задержавшись в памяти всего на мгновение, уверенно и основательно затем выпархивают из нее куда-то наружу, никогда уже после не возвращаясь.

— Вот что я вам скажу. Бывают люди великие и бывают люди мелкие, а история — этакая она коварная да неблагодарная — помнит мелких, которые и внимания-то не заслуживают, гораздо больше, чем великих, несправедливо этим вниманием обделенных. Взять хоть в пример создателей вот этого самого дома, в котором мы сейчас с вами находимся.

А сумеете ли вы предположить верно, когда был заложен последний кирпич данного строения? — выразительно произнес старик и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Да будет вам известно, что построено оно было еще в ту пору, когда величайшим достижением мировой науки было создание этого примитивного электрического устройства, — и он скрючил палец на поднятой руке, указывая им на одиноко болтающуюся под потолком лампочку. — Мир в то время был окрашен совсем в другие цвета... А дом, как вы можете заметить, стоит и по сей день, исправно выполняя требуемые от него функции. Лавчонку завел я, кажется, гх-м... — неопределенно помахав рукой в пространстве перед собой, старик рассеянно почесал ею затылок, словно забыв, что перед ним находится слушатель, внимающий его попыткам поведать отрывки из своей жизни. И только когда Эвандер вознамерился нарушить молчание глуховатым откашливанием, он вдруг резво встрепенулся, окинул взглядом комнату и продолжил: — Да, в общем, где-то посередине между закладкой последнего кирпича и текущей секундой. Я был совсем еще юный, продал квартирку, доставшуюся в наследство после родственников, и приобрел это помещение. Да еще одно, с другого угла дома, — собственно, оно-то и было основным, а эту комнату тогдашние продавцы выдали, как бы сказать, в нагрузку. Вот такой был я предприимчивый, ага — задумал сделать в нашей местности магазин с таким разнообразием ассортимента, что местным жителям дальше

него и ходить бы отпала всякая надобность. Свежее мясо и выпечка для утреннего стола, игрушки и сладости в подарок детям на рождество, вещи для дома и быта, для ремонта и для отдыха, пляжные зонтики, саморезы, свежие музыкальные пластинки — словом, все, о чем бы только можно было помыслить. Да ведь это еще не все! Задумал я доставлять товары местным жильцам прямо до дверей — сейчас такого везде полно, а раньше-то кой-где еще было в новинку. Приходят они ко мне в магазин, составляют список того, что им требуется, а я им и приношу. Да не я носил-то, нанял знакомого, он был, кажется, на пару лет младше меня, вот и носился тут с коробками по всей улице... Ну потом я, конечно, ему в помощь и других ребят взял, чтоб не так скучно было бегать. И стал налаживать связи — ездил по разным другим магазинам, договаривался о поставках, выбивал выгодную цену и искал, кто там чего интересного у нас в городишке производит. Работа спорилась, а клиенты множились — со временем стали появляться и те, кто не ходил, а ездил ко мне в магазин. И через весь город ездили, и даже из пригородов, бывало, являлись — такое место удобное во всех отношениях получилось. В какой-то момент перестал я помещаться на том углу дома и решил перенести часть товара сюда. Приходит покупатель, спрашивает одно, выдаю ему товар в том крыле, а затем спрашивает еще что-то другое, а я ему говорю: «А вот за этим пожалуйста, будьте добры, вон в ту часть магазинчика». Неудобно дуже, честное слово. Да

придумал я подвальчики-то у обоих помещений и соединить вместе! Нужно что-нибудь из другого помещения, знай себе спустился быстро да принес, или, еще лучше, кого-нибудь послал за вещицей-то нужною. Время все шло, я уже превратился в состоявшегося члена нашего почтенного общества, возраста, наверное, где-то около вашего, и в один день решил взять себе подручного, на которого можно было бы возложить часть обязанностей. Выбор пал на парнишку, очень мне близкого, и, как мне тогда казалось, на меня в юности похожего, тех времен, когда я еще только начинал свое предприятие основывать... Все в пареньке было хорошо — работу выполнял исправно и даже с какой-то чрезмерной для его возраста прытью, давил свою инициативу везде, где только мог, и, в общем, всячески пытался делу поспособствовать, а иногда, где на это видел возможность, и подтолкнуть вперед. У нас всегда были отношения исключительно закадычные и искренние, и даже вот какое было. Помню, он как-то раз подойдет ко мне, вечером, после работы, словно что-то сказать хочет, да так и стоит, уставившись в пол. Я его спрашиваю, мол, что случилось, а он руки ломает да дальше себе в пол смотрит. Минуту так стоит, вторую, да как кинется к моему плечу, а сам от слез содрогается и все повторяет: «Утаил я, не знаю для чего, прости!» — да протягивает мне пропавшие бумажки с кассы, мокрые все и измятые — иной бы ведь и промолчал, да только не он... Однако все это прошло. Становился он со временем все черствее и нерадивее, брал на себя

все больше и угрюмо, молча это набранное разгребал. Стал теснее общаться с поставщиками, заправлять доброй половиной бухгалтерии, следить за порядком и нововведениями в основном помещении... Да, нововведениями... Иной раз подойдешь к нему, тронешь за плечо, а он и слова тебе доброго не скажет, совсем затвердевший сделался, словно могильная плита, смотрит на тебя пустым, прищуренным взглядом, как будто не замечая, и только все бормочет, что мы так никуда не успеем. Намерения его окончательно потеряли смысл для моего разума. Я пытался вывести, что это такого с ним произошло, ведь должна же быть причина этой внезапной и порой тревожащей меня до смятения перемены, да все без толку. А как-то однажды я заглянул в его рабочие бумаги — он их оставил у кассы, а сам отошел в спешке на встречу по какому-то вопросу, одного его касающемуся. Не из любопытства даже заглянул-то, мне нужно было, кажется, накладные давние отыскать. Пролистываю я этот ворох, да все никак нужное найти не могу, и вижу вдруг между листов... — Старик внезапно умолк, губы так и застыли в положении последнего произнесенного звука, а руки словно схватились за прозрачную кипу бумаг, левитирующую в воздухе.

Несмотря на такую бесцеремонную конфискацию своего драгоценного времени, Эвандер начал проникаться жалостью к старику. Он представил себя на его месте — доживающим свой век в одиночестве, среди запыленных стен своей лавчонки, — по всей видимости, единственного, что у него

осталось на этом свете. И вот он сидит в отгороженном от внешнего мира причудливой мелкой дверцей темном подвальчике, утратив всякие мысли о возможном посетителе и открывая каждое утро двери магазина исключительно из выработанной за десятилетия привычки, но никак не действительной необходимости.

Но почему он сидит здесь в одиночестве, находя сомнительное утешение в пересказе своего прошлого какому-то случайному, фактически, против своей воли находящемуся рядом прохожему? Где же те самые люди, которые должны заботиться и всячески поддерживать человека в подобный период жизни? Неужели у него и впрямь нет никого, кто мог бы забрать его из этой увядающей на глазах обители его прошлых заслуг?

— Этот юноша, про которого вы рассказываете, помогавший вам с магазином... Он был вашим родственником?

Старик медленно и нехотя вышел из оцепенения. Затем пристально посмотрел на Эвандера, словно стараясь взглядом отодвинуть его дальше к стене, оперся рукой о кусок металла, когда-то служившего кассой, и отвел взгляд в сторону.

— Да, братом. Двоюродным. Мы постоянно были вместе, я, можно сказать, его и воспитал. Отец-то у него был тот еще пьянчуга, колотил его лет до двенадцати нещадно да за бутылкой гонял что ни день — вот и все, наверное, что он ему дал, кроме самой жизни. А мать боялась что-то поперек сказать и тем более сделать, иначе и ей прилетало. Так и вы-

ходило, что некому его было учить, вот я и учил, чему сам успел просветиться у родителей, пока не умерли. Учил его, как отпор давать — не кулаком в первую очередь, а словом, ну и кулаком, конечно, если слово не помогло. По школьным предметам ему помогал, да я сам-то много ли понимал, а все-таки, если хоть кроху чего узнаю — все ему подробнейше растолковываю. Ну и с девушками старался научить знакомиться, как он немного повзрослел, с ними-то у него совсем тяжело было — ни слова выговорить не мог и только смотрел на них исподлобья, словно в каждой видел смутный образ собственной матери и через них на мать обижался, на ее бессилие перед отцом. Да что толку учить, так он одиноким и остался, а вместе с ним и я. В ту пору, когда я, ох-х... Да ведь про то, как уличил-то его, и недорассказал! Нашел я у него в тот день вместо накладных расписки со ставок, проигрыши, хотя кое-где, конечно, и выигранные тоже встречались. На очень неприличные суммы ставки, не по средствам. Все бумаги я сложил обратно, а позднее зашел к нему еще раз. Затеял разговор о ставках этих, да как помочь ему с выплатами, а он меня из комнатухи вытолкнул, пригрозив вдогонку, что часть магазина продаст... Месяц после этого мы с ним не общались, а в одно утро я подхожу к магазину, а в нем толпа такая, что народ из дверей выпирает, да некоторые еще и толкаются и спорят, кто поближе ко входу стоять должен. Кое-как протиснулся я внутрь, стою в самом центре помещения, а кроме затылков ничего разглядеть толком не

могу. И тут из дальнего угла кто-то из этой толпы как закричит, истошно и с такой злобой, что меня оторопь пробилла. Все вокруг на мгновение даже притихли и перед кричащим расступились, а он словно колотить чего-то начал, слышались звуки удара по металлу. В следующее мгновение, правда, звуки эти я слышать уже перестал, да и следить за тем, что происходит вокруг, получалось уже как-то с трудом — в глазах на миг потемнело, а затем начало сливаться в разноцветное марево. Однако, перед тем как быть выведенным под руки из собственного магазина, объект для ударов недовольного посетителя все-таки разглядел — это был игровой автомат, невысокий такой, бросал разноцветные блики на лицо молотящего его со всей дури кулаками гражданина. Его, кстати, вывели незадолго после меня, мы с двумя крепкими и мне совершенно неизвестными личностями направились к этой части магазина, а его, бедолагу, третья точно такая же крепкая неизвестная личность поволокла в противоположном направлении, неведомо куда. Тут нас уже ожидал мой брат. Половина товаров исчезла с полок, как исчезли и все рабочие документы, и деньги с кассы. Без каких-либо объяснений, которых, впрочем, уже особенно и не требовалось, моему взору предоставили бумагу о добровольной передаче имущества, авторучку, а также утешительный приз в виде мелкой позолоченной статуэтки знаменитого в те года конного всадника, врученной брату на ставках. К сожалению, статуэтку эту, как и подписанную бумажку, перед

уходом отобрали, но не забыли оставить предостережение в виде нескольких крепких ударов по голове, как будто одного мне бы было недостаточно... — Сделав глубокий вдох и почесав затылок, словно там еще осталась шишка от удара, старик повернул лицо к окну, постоял несколько мгновений молча и принялся бродить по комнате, пошаркивая износившейся подошвой ботинок. — Я с вас денег не возьму, а рассказ уже подошел к концу, так что можете идти.

-

— Но подождите... Как не возьмете, я настаиваю! А что же с братом, он вот так отобрал у вас магазин, неужели ничего нельзя было сделать?!

— Вот и Барбара мне тогда сказала то же самое. Мы собирались с ней пожениться в то время, знаете. А я как-то... ушел в себя после того, как лишился предприятия. Да что там поделаешь, брат связался с бандитами, которым, по всей видимости, задолжал за ставки. Магазином он владеет и по сей день, но как все обстоит на самом деле — не знаю, да и что я мог сделать? Только словить последний удар по голове. Я ей оставил потом свою квартиру, Барбаре, а сам ушел из города. Бродил по окрестностям и... Да ни о чем я на самом деле уже и не думал. Через время вернулся сюда — это помещение они почему-то оставили нетронутым, может, брат попросил, но проход между помещениями заделали... Да, гхм, заложили кирпичами...

— Мне жаль это слышать. Вот, возьмите. — Эвандер углу-

бился рукой в портфель и начал неуклюже рыскать пальцами по дну.

Старик вдруг остановился и уставился на него взглядом, переполненным отчаянием до той степени, что оно, кажется, начинало перетекать в форму злобы.

— Не смейте доставать деньги! И уберите руки от вашей сумки! — Он с неправдоподобным для человека его возраста проворством пересек пространство каморки, с плеском пройдя по лужице растекшейся по полу субстанции и, ухватив Эвандера за рукав, постарался выдернуть его руку из портфеля.

— Что вы делаете?! — крикнул тот. — Ах, хорошо, хорошо, да только отцепитесь! — И он поспешно вынул руку, поддев что-то со дна. Издав глухой стук, на пол вывалилась деревянная фигурка, приобретенная с утра в подземном переходе.

— Что мне теперь эти бумажки! Думаете, они как-то изменят мое нынешнее положение? Оглянитесь вокруг, у меня ничего нет — ни верных друзей, на которых можно положиться, ни детей, которые бы продолжили мое дело, ни самого этого дела, которому было отдано все мое существо. И все, что мне остается, — это доживать свой век здесь, среди покрытых пылью древних полок, что когда-то являли собой смысл моей жизни... — Он с трудом, словно истратив последние силы на рывок через комнату, шагнул в сторону от Эвандера и взглянул на предмет, выпавший из его сумки. По

лицу пробежала короткая ухмылка, а злоба бесследно растворилась в глубине томных карих глаз. — Замечательная безделушка. Увлекаетесь коллекционированием?

Эвандер поспешно нагнулся за выпавшей деревянной поделкой.

— Нет, я... Мне всучили ее сегодня утром, когда... — И тут он осознал, что не смог бы оказать несчастному старику материальную поддержку, даже если бы тот так рьяно не стремился заранее от нее отказаться. Подступило скулящее чувство стыда, и доктор смятенно взглянул на хозяина лавки. — Так ведь у меня и кошелька с собой нет. Точнее, он был, но какой-то малолетний воришка вытащил у меня его из рук в подземном переходе, а на память оставил вот эту самую игрушку.

Старик на мгновение замер, точно не понимая его слов, а затем оглушительно и искренне рассмеялся, заполняя комнату раскатами еще не окончательно растерявшего былой гордости трескучего голоса.

— Ну и ну, дорого же, по всей видимости, вам обошлась эта побрякушка! Выходит, что жаль и мне. Видите, не такие уж мы и разные, а? — Он незатейливо подмигнул Эвандеру и ободрительно хлопнул его по плечу. — Я возьму у вас эту фигурку в качестве платы за предоставленные неудобства, идет?

Эвандер застенчиво улыбнулся ему в ответ.

— Договорились... И все-таки, зачем ваш брат так посту-

пил, к чему вообще было ввязываться в эту авантюру со ставками и прочим? — собираясь уходить, неожиданно для себя самого спросил он.

Хозяин лавки уже разворачивался в сторону крохотной дверцы за кассой.

— Полагаю, хотел что-то успеть... Успеть выиграть, — бросил он через плечо.

Он приоткрыл дверцу, ведущую в свою часть подвала, и, немного покачавшись на ногах, спросил вслед:

— А ведь вы, кажется, за керосином сюда заглянули?

— За табаком...

— Ах, да... Память с годами становится все слабее. Сейчас принесу. Вы ведь, все-таки, мой первый посетитель за долгое время.

— Зачем же? Не стоит...

— Я только схожу до кладовки. Подождите меня у выхода, — и старик скрылся в темноте, вновь совершив, по всей видимости, невероятный акробатический трюк (к большому разочарованию Эвандера, этот момент вновь остался для него незамеченным), чтобы втиснуть свое долговязое туловище в небольшой проход.

По улице прошагал одинокий прохожий, весело насвистывающий под нос незамысловатую мелодию. Эвандер смотрел на него с минуту, пока тот совсем не скрылся из области обзора, предоставляемой замызганными окнами. Сначала он было подумал, что этим прохожим может быть мистер

Уинслоу, заманивший его на эту злосчастную улицу, однако для человека, собиравшегося проводить деловую встречу, прохожий был одет чересчур неформально. И тем не менее, человек этот двигался четко в направлении заведения, в котором предполагаемая встреча должна была состояться. «Скорее всего, если это чертово кафе вообще работает, оно уже открыто... Ну конечно открыто, сколько времени я уже здесь провел?» — подумал про себя Эвандер и с этими мыслями взглянул на часы — и удивление заставило недоверчиво постучать по металлическому корпусу и всмотреться в положение стрелок еще раз. Он не только не опаздывал на встречу к указанному в письме времени, но еще и имел в своем распоряжении немного свободных минут! «Но как это возможно? Мне казалось, я целую вечность слушал историю этого несчастного пожилого человека...»

Из подвала слышались глухие звуки шагов. Не успел доктор оторвать взгляд от окна, как старик уже шагал к нему неторопливой поступью, держа в руке пачку вполне сносных сигарет. Проворству, с которым он форсировал крохотный дверной проем, можно было только позавидовать.

— Но ведь мне нечем расплатиться, — спохватился вдруг Эвандер.

— Ничего. Как-нибудь заходите еще раз, заодно и рассчитаемся. Да вот еще, если решите однажды навеститься к моему брату, передайте... Передайте ему, что я зла на него не держу, вот так. Благодарю, и спасибо, что заглянули в мою

скромную лавку. — Он мягким жестом отсалютовал доктору на прощание и скрылся за одной из немногочисленных витрин магазина.

Вдыхая полной грудью теплый августовский воздух, после затхлости каморки кажущийся свежее воздуха с вершин всех горных хребтов мира, доктор неспешно откупорил новоприобретенную упаковку маленьких убийц дыхательной системы. Иной бы мог рассудить, что это глупый оксюморон — врач-онколог, зависимый от табачного дыма. Однако Эвандер даже не мыслил о том, чтобы расстаться с основным средством кратковременного успокоения нервной системы. Слишком много за время врачебной практики он узнал про карциному и пути ее возникновения, а оттого был уверен — если болезни станет угодно, будь ты хоть человеком, никогда не притрагивавшимся за свою жизнь к табаку, — она тебя настигнет. Потребность в никотине проявляла себя тем ярче, чем более невыносимой становилась окружающая его обстановка, а стать таковой она могла для Эвандера в любой момент, пробуждающий в нем цепкое чувство нервозности. Томительное перемещение по городу на общественном транспорте, очереди в воскресном отделении почты, длительные попытки какого-либо собеседника растолковать то, что и так, по мнению Эвандера, было очевидной данностью, не требующей пояснений, — все это и многое другое могло послужить причиной возникновения внутри него зуда раздражения, волнами растекавшегося по всему телу, за кото-

рым следовало непреодолимое желание развеяться, сменить, хотя бы на короткое время, обстановку и заняться чем-то другим. В такие моменты к нему на помощь и приходило курение.

Вот и сейчас Эвандер стоял посреди угрюмой улочки где-то на окраине родного города, смотрел в безоблачную даль и старался уговорить раздраженные клетки организма горьковатым дымом. Табак был новый, на упаковке красовалась маркировка с указанием даты производства в прошлом месяце. Внутри у него все еще сохранялось легкое чувство неловкости из-за неуместных потуг возместить нанесенный старику ущерб с отсутствующим кошельком, и он рассуждал про себя, как было бы отрадно оказать материальную поддержку этому человеку, будь у него на то реальная возможность. Ведь правда, насколько же, вероятно, легко и непринужденно множить количество добра на Земле людям, не обремененным ограничениями в имущественных ресурсах. И дело совсем не только в деньгах — вот предположим, если бы он, Эвандер, внезапно возымел общественное признание и всеобщее почитание за свои многолетние труды, чего бы стоило ему указать своей имеющей в обществе особый вес рукой на подобную несправедливейшую ситуацию, настигнувшую его новоиспеченного знакомого? А уж общество бы и безо всяких денег разрешило такой бесчестный конфликт по справедливости, опередившись на праведное мнение фигуры, заслужившей общее доверие...

Оторвавшись от праздных и, как сам для себя заключил Эвандер, совершенно лишних мечтаний, он вновь направился ко входу в заведение, не забыв отметить отсутствие вокруг здания гнусной стайки птиц, по всей видимости, направившихся на поиски менее ветреного пространства. Однако, помимо опустевших наростов здания, каких-либо видимых изменений во внешнем облике двери и окружающих ее предметов видно не было. Эвандер застыл в нерешительности, на ладонях начала проступать холодящая кожу испарина. Предчувствуя следующий момент, он как бы заранее с шумом выдохнул воздух из ноздрей и с силой дернул за дверную ручку — дверь не тронулась с места.

«Как же бездарно потрачено мною время из-за этого чертового письма!» — в сердцах выкрикнул он. Лицо налилось краской, приобретая оттенок, схожий с новым цветом его ботинок и нижней части штангин. Он взглянул под ноги и злобно, в порыве слабо контролируемого негодования размашисто ударил носком по нижней части двери. За ударом последовал глухой стук, прокатившийся эхом внутрь помещения, и Эвандеру показалось сквозь стеклянное окошко на двери, что этот стук заставил небольшой огонек в глубине подвала на мгновение содрогнуться.

Он шагнул прочь от входа и резким движением повернул голову, оглядываясь по сторонам. Убедившись, что его яростный порыв остался незамеченным, он развернулся в сторону улицы, второй раз с шумом выдохнул воздух и уже

приготовился возвращаться в институт, когда вдруг услышал звук шагов, приближавшийся изнутри заведения.

«Похоже, всего-то и нужно было, что как следует постучать...» Он поправил взъерошенные ветром волосы, наотрез отказавшиеся повиноваться воле его ладони, и, постаравшись изобразить как можно более невинное выражение лица, уставился в дверной проем.

За стеклом показался высокий темный силуэт, ручка двери медленно подалась вниз, и через мгновение перед ним предстал человек.

— Мистер Флитвуд, рад встрече. Эдрик Уинслоу, будем знакомы.

Если бы Эвандера попросили описать в тот момент своего собеседника, он бы сказал, что это точная копия его самого, а точнее того, каким он представлял себя в своих истинно сокровенных и наизаветнейших мечтаниях. Черный, строгий, выверенный до последней ниточки костюм смотрелся на стройном теле органично настолько, что казалось, будто он является естественным продолжением этого самого тела. Широкие плечи едва умещались в проеме, ясно давая понять, что, столкнувшись с ними в узком пространстве, разойтись не получится — дорогу надлежит уступить, или, в противном случае, придется подвергнуться немалому риску быть вытолкнутым за пределы этого пространства. Черты лица были молодцеватые и щегольские, а вместе с тем в них также отчетливо прослеживались и какая-то возрастная

умудренность и легкий оттенок величавой духовной твердости. Произнося приветственные слова, он заглядывал Эвандеру прямо в глаза своими ярко-зелеными и едва прищуренными лисьими глазами, заполненными какой-то неутомимой, и, казалось, в любую секунду готовой высвободиться наружу ослепительным столпом искр энергии.

На секунду отведя взгляд в сторону, на его лице промелькнула таинственная, едва заметная хитрая ухмылка, но в следующее мгновение он вновь вернул совершенно серьезный и даже слегка нахмуренный взгляд и ожидающе воззрел на Эвандера, отойдя от двери чуть в сторону и придерживая ее за ручку, не давая тем самым захлопнуться.

— Да, гм... Добрый день, Эвандер Флитвуд, вы все верно сказали, — запинаясь, протянул Эвандер. — Я подошел несколько раньше, но не смог открыть дверь и почему-то решил, что заведение закрыто. Вы только что пришли?

— Нет, мистер Флитвуд, я также пришел немного заранее и ожидал вас ровно к обозначенному в письме времени. Не стоит удивляться, что вы не смогли отворить дверь, такая у этого заведения особенность — входная дверь не открывается снаружи, — и по его лицу вновь пробежала затейливая улыбка, всего на миг задержавшаяся в уголках губ.

— То есть как это — особенность заведения? Как же мне тогда следовало попасть внутрь, если бы вы сейчас случайно не вышли на улицу?

— Не желаете продолжить нашу беседу внутри? Разуме-

ется, я расскажу вам об этом месте подробнее. Вы, возможно, голодны?

Эвандер кинул нерешительный взгляд сквозь приоткрытую дверь. Было и в самом деле странно начинать беседу вот так, у порога, однако это место начало вызывать у него неведомое ранее, недоброе предчувствие, и, даже несмотря на своего собеседника, имевшего вид исключительно располагающий и приятный, он никак не мог от этого предчувствия отделаться.

— Да, да, конечно. Ведите, — сказал он, немного помявшись.

Эдрик распахнул перед ним дверь и встал ровно, распрямившись и заложив одну руку за спину, точно швейцар.

— Проходите. Будьте осторожны, впереди вас ждет небольшая лестница.

V. Беседа

Ступив в полумрак небольшого вестибюля, Эвандер заметил по бокам два узких креслица, а над ними — множество крючков для одежды, часть из которых была отягощена плащами весьма представительного вида. Первые ступеньки, ведущие вниз по коридору, из-за царившей темноты были почти неразличимы, однако с продвижением вглубь последующие становились видны все отчетливее, а темнота начала разбавляться тусклым желтоватым свечением, которое исходило из притаившегося внизу помещения.

Наконец он спустился в довольно просторную залу с высоким бетонным потолком, декорированным широкими дубовыми балками. Помещение и впрямь напоминало какой-нибудь необычайно крупный подвал или склад, в который, однако, весьма умело были вписаны различные элементы исключительно качественного и даже роскошного вида: пол был целиком выложен плиткой из темного мрамора, по краям комнаты располагались столики с отделкой из красного дерева, на которых стояли элегантные хрустальные светильники, у дальней стены покоился бар с бархатными сидениями поблизости, а вдоль него в ровную шеренгу выстроились официанты, державшие перед собой круглые подносы точно щиты и, казалось, готовые ринуться в бой по первой же команде любого из посетителей. Все это создавало образ места

незаурядного и весьма располагающего, и все это Эвандер рассматривал с неподдельным восторгом, однако была в заведении и еще одна вещь, которая, приковав его взгляд, заставила тут же забыть об остальном интерьере и ошеломленно застыть на месте в безмолвном созерцании.

Справа от бара, мерно покаясь в тенях, отбрасываемых окружавшими ее нагромождениями запасных кресел и столиков (по каким-то причинам они располагались прямо в основной зале, у всех на виду, и напомнили Эвандеру забытую стульями прихожую собственного дома), стояла мраморная скульптура выше человеческого роста. Она являла собой сцену с участием двух людей.

Один из них был облачен в скромный плащ с искусно изображенными на нем крохотными заплатками и прорехами. Человек сгорбился и старался пригнуться как можно ниже к земле, но взор и руки его были устремлены вверх, и в раскрытой правой ладони у него лежал, по всей видимости, какой-то амулет, напоминавший по форме крохотный старомодный масляный фонарь, внутри которого теплился миниатюрный язычок пламени.

Другой персонаж стоял подле, гордо выпрямив спину, уткнув одну руку в бок, а другую властно вытягивая вперед в попытке перехватить протянутый ему драгоценный предмет. На поясе у этого персонажа висели массивные ножны, а за спиной располагался колчан с длинным луком, однако Эвандеру сразу бросилось в глаза, что и ножны, и колчан бы-

ли пусты, словно прежде чем быть увековеченным в камне на этом самом месте, воин оставил все свое оружие где-то позади.

Статуи были выполнены с поразительным мастерством и вниманием к деталям и, несмотря на потускневший в некоторых местах мрамор и образовавшиеся сколы, выглядели так, словно это были настоящие, загримированные под горную породу актеры, застывшие на сцене в заключительных позах своего театрального представления.

— Сюда, мистер Флитвуд. Нам вон за тот дальний стол, — неожиданно раздался вкрадчивый голос сзади. Эвандер нехотя оторвал взгляд от скульптуры и проследовал за устремившимся в противоположную часть комнаты Эдриком.

Их столик находился в самом углу. На нем, как и на остальных столах в заведении, стояла хрустальная лампа, отбрасывающая на деревянную поверхность нежный красноватый свет. По краям стояли две пока пустующие крупные тарелки и всевозможные столовые приборы, аккуратно обернутые в темные шелковые платки. Едва Эвандер успел погрузиться в мягкое бархатное кресло, предварительно поставив возле него портфель, как у столика, точно джинн, образовался один из тех официантов с подносами-щитами, что караулили вдоль барной стойки.

— Добрый день, мистер Уинслоу, мистер Флитвуд. Рады приветствовать вас в нашем скромном заведении, — произнес он приветливо и звонко, ровно настолько, насколько это-

го требовал момент, отчетливо проговаривая каждое слово. Он положил меню рядом с тарелкой каждого из гостей и исчез так же внезапно, как и появился.

— Надо же, они заранее осведомляются об именах всех посетителей, которых собираются обслуживать? — риторически пробормотал Эвандер себе под нос, в то же время пытаясь проследить глазами траекторию удаления официанта от их места посадки.

— В общем, так оно и есть. Сюда не пускают кого попало, каждый гость в этом заведении особенный — качество сервиса у них на высоте, — ответил Эдрик, ни на секунду не снимая с губ тонкой, затейливой ухмылки, будто подвизавшей уголки рта какой-то прозрачной ниткой для непрерывного удержания их в таком положении. Он жестом указал Эвандеру на поданное ему меню и терпеливо сложил руки перед собой, по всей видимости, ожидая, пока собеседник первым начнет выбирать блюда.

Эвандер неуклюже улыбнулся в ответ, покосился на сидевшую через пару столиков тройцу мужчин, которые оживленно беседовали между собой о делах, только им самим и ведомых, затем еще дальше — на бар и стоящую за ним искусно сотворенную скульптуру, вновь повернулся к Эдрику и, принявшись медленно перелистывать поразительно приятные на ощупь листы добротной фактурной бумаги, заметил:

— Похоже, место и правда на удивление привлекательное.

Никогда бы не подумал, учитывая то, в каком здании оно располагается.

Эдрик издал исключительно лаконичный смешок, звучащий располагающе и при этом не слишком навязчиво, и, вероятно, выверенный до совершенства многими часами тренировок, как, впрочем, и все остальные звуки и отзвуки, которые он производил.

— Вы, несомненно, правы, но не всегда стоит поспешно судить о предмете по его первому представлению. Как видите, углубившись внутрь, можно открыть для себя этот предмет в совершенно другом свете. — И тусклый луч света от настольной лампы, до этого момента остававшийся неподвижным, как бы в подтверждение его слов вдруг беспокойно сам по себе колыхнулся, озарив на мгновение едва заметные, тонкие и изящные узоры по краям стола.

— И все-таки я думаю, что сломанная входная дверь не идет им на пользу. Хотя бы ради собственного имиджа им следует ее отремонтировать.

— Нет же, это одна из их особенностей — двери не открываются снаружи.

— В чем же заключается значение такой особенности? Прощеживать внутрь только самых терпеливых клиентов? — осведомился Эвандер, непонимающе уставясь на собеседника.

— Сюда не может попасть посторонний. Управляющие заведения полностью контролируют поток посетителей, кото-

рые записываются заранее к определенному времени, в которое их и пропускают. Поэтому я написал вам, чтобы вы подходили непосредственно к обозначенному времени, сам же я... указал, что подойду чуть пораньше, чтобы встретить вас.

— Но почему не пускать внутрь всех желающих, для чего нужен этот механизм с обязательной предварительной записью?

— Чтобы поддерживать комфортную для клиентов этого места атмосферу. Для брони вас должен знать управляющий персонал... Ну или знать что-то *о вас*. Как я и сказал, посторонний человек не сможет сюда проникнуть, для этого обязательно нужен знакомый внутри, который бы открыл для вас дверь, — за прозрачную нить, подвязывающую уголки его губ, потянули сильнее обычного.

Эдрик элегантно выпрямил манжету левой руки, покрутив и без того идеально сидящую позолоченную запонку с выгравированными на ней инициалами собственного имени, затем проделал то же самое с манжетой правой. После поправил и без того ровно висящий черный, переливающийся в красноватых отблесках хрусталя галстук, сложил пальцы пирамидкой и с минуту пребывал в таком положении, поглядывая на Эвандера, всецело поглощенного изучением разнообразия возможностей местных мастеров кулинарного искусства.

— Надо же... не удивлюсь, если у них тут и сэндвич с ал-

мазной икрой можно заказать, — наконец произнес тот, оторвавшись от меню, и едва он это произнес, как перед столиком из окружающего воздушного пространства вновь материализовался галантный официант — тот же самый или чем-то различный с предыдущим, Эвандер так и не смог определить для себя наверняка.

— Что-нибудь выбрали, джентльмены? Возможно, могу вам чем-нибудь помочь? — осведомился он, параллельно выставляя на стол, как показалось Эвандеру, непосредственно обед: два бокала, наполовину наполненных рубиновой жидкостью, и еще два, практически до краев заполненных жидкостью искрящейся и золотистой, корзинку со словно произведенными мастерами-резчиками кусочками различных фруктов разнообразных затейливых форм и еще одну корзинку, заполненную тонкими ломтиками сыров всевозможных цветов и текстур и аккуратно нарезанным белым хлебом, от которого еще исходил приятный жар печи, небольшую тарелку брускетт с мясной вырезкой и еще кучу каких-то совсем уж мелких тарелочек, вмещавших в себя по одной единице блюд, природу которых Эвандер понимал с трудом.

— Мне, пожалуйста, вот это и вот это, — словно и не заглядывая в меню произносил Эдрик, указывая безымянным пальцем в различные места на стремительно перелистываемых им страницах.

— Да, разумеется. О, отличный выбор, мистер Уинслоу,

— продолжая приумножать располагаемые на столе яства, отвечал ему официант, совершенно точно не обращая никакого внимания на демонстрацию требуемых пунктов меню, которую производил безымянный палец посетителя.

Эвандер же в эту минуту сам с собой рассуждал, в какой момент количество тарелок и блюд окажется настолько избыточным, что они под руководством законов физики начнут между собой агрессивную борьбу за право остаться на поверхности стола, а проигравшие примутся валиться вниз, высвобождая пространство победителям. Однако же, вопреки любым правилам, весь прибывший сервис устойчиво покоился на своем месте по завершении официантом его расстановки, и сверх того — возле посетителей еще и оставалось свободное пространство, выделенное, по всей видимости, под основные блюда.

— Мистер Флитвуд, готовы ли вы выбрать желаемое?

Мог ли он сейчас утвердительно ответить на данный вопрос? Вероятно, нет. Он даже не вполне отчетливо понимал состояние, его донимающее. Что-то затаенное внутри него подсказывало, что он находится сейчас там, где просто не может по каким-то высшим причинам не находиться в этот самый момент, и преследует такие цели, которые ему преследовать надлежит. И в то же время пребывание в этом месте вызывало в нем непроизвольный предостерегающий трепет, и он, казалось, готов был увлечься и завести разговор о собственном, искаженном в изогнутых чертах бокала отра-

жении, лишь бы не думать о главной задаче, занимавшей в ту минуту его беспокойный разум. Одна осознанная мысль о ней вызвала у складки левого глаза почти уже забытое за долгие годы ощущение — словно рана, оставившая после себя медленно затягивающийся шрам, вновь раскупоривается в настоящий миг каким-то острым предметом, вызывая мнимый прилив боли. Это ощущение заставило доктора, до этого застывшего со взглядом в одну и ту же неопределенную точку пространства, нервно дернуться и машинально потянуться рукой к лицу в попытке убедиться в собственном благополучии.

Растерянno пошарив глазами вокруг, Эвандер наконец осознал, что вопрос, на который он так старательно искал ответ у себя в мыслях, был задан ему в действительности, и что задающий его человек стоит подле стола, терпеливо дожидаясь этого ответа.

— Гм, да... Мне, пожалуйста... Принесите мне то же, что и мистеру Уинслоу, будьте добры.

— Да, конечно, — ответил официант, проведя ручкой по истрепанному и исписанному едва ли не до дыр блокноту, и испарился.

Манерно повращав в ладони бокал с вином, Эдрик удовлетворительно посмотрел на образовавшиеся на поверхности небольшие блестящие пузырьки:

— Это домашнее вино, производится вручную местным мастером-виноделом. Он сотрудничает с этим заведением

уже много лет, выращивает виноград у себя на загородном участке, а затем привозит сюда и сам, вручную, перерабатывает. Раньше работал тут неподалеку вместе с одним лавочником, но тот со временем загнулся, дело встало. Это место, можно сказать, подарило мастеру новую жизнь, здесь он полностью отдает себя своему занятию... и получается у него исключительно достойно, советую попробовать.

— Вообще-то я не привык выпивать в середине рабочего дня, но один бокал, если вы так его расхваливаете... Подождите, вы сказали, этот винодел раньше работал с лавочником. Тем, что расположился в магазинчике на углу?

— Гм, да, вероятно, там, почему это вас заинтересовало? — осведомился в ответ Эдрик.

Первый раз за время знакомства с ним доктор заметил легкую тень растерянности, пробежавшую по его лицу, словно на миг собеседник почувствовал, как русло разговора уходит в сторону, для него совершенно неведомую и удивительную, однако уже через секунду его непринужденная улыбка вновь засияла в красноватом свете лампы. — Полагаю, вы тоже знакомы с нынешним владельцем магазина? — задал он встречный вопрос, прежде чем Эвандер успел что-то произнести.

— По правде говоря, нет... Просто заметил вывеску, пока бродил по округе и ждал встречи, вот и предположил, что сейчас вы имеете в виду эту лавку. Насколько я могу судить, в настоящее время она все-таки работает, вы говорите,

там сменился владелец? — В сознании доктора пронеслась история, поведанная ему стариком часом ранее. Вероятно, этот мастер-винодел был одним из его прошлых партнеров, самородком, получившим шанс быть замеченным благодаря быстро набиравшей популярность лавке, а ныне оказавшимся в логове тех стервятников, что разбирали драгоценные осколки кропотливо выстраиваемого долгие годы предприятия после его несчастного крушения.

— Нынешний владелец — мой хороший знакомый, его зовут Джеймс, частенько бывает здесь, да без него, вероятно, это место бы не обладало и половиной той значимости, которую имеет сейчас, — и Эдрик покосился на сидящую неподалеку компанию представительного вида мужчин, несколько понизивших голоса и сбавивших спешный темп разговора, но все еще продолжавших весьма деятельно что-то обсуждать. — Он оказывал значительную помощь в получении всевозможных разрешений, поиске сотрудников, оборудования и прочих вещей, для дела необходимых... Само собой, после того как наконец смог воскресить, казалось, увядшую окончательно семейную лавку — в это ему пришлось вложить немало сил.

— Воскресить? — насупившись, переспросил Эвандер, сверля глазами пытающийся скрыться в тених от его взгляда изысканный узор на краешке стола. — Что же с ней могло приключиться, родственники, владевшие лавкой до него, плохо за ней следили?

— Раньше магазин был несколько больше и в самом деле принадлежал другому человеку — его брату, однако в подробности их семейной истории Джеймс никогда не вдавался. Я только знаю, что его брат — человек, который основал это дело, — чуть собственноручно его и не уничтожил. В тот момент, когда предприятие начало набирать существенные обороты, он предался пьянству и кутежу, полностью забросил ведение дел, стал путаться с сомнительной компанией, которая и втянула его в ряд последующих историй, последствия которых пришлось так усердно распутывать Джеймсу в дальнейшем...

Эвандер сидел неподвижно, не отрывая взгляда от гранатовой глади, которая выглядывала из кристально чистого бокала, расположившегося на границе между оставшимся возле него пустым пространством и причудливым нагромождением заполненной угощениями посуды. В памяти возник образ старика, кое-как транспортирующего свое долговязое туловище сквозь крохотный проход в стене в надежде на случайного посетителя, с которым удастся перекинуться хотя бы парой слов перед тем как тот, по незнанию забредший в давно уже лишившуюся жизни часть магазина, выпорхнет наружу и устремится прочь. Выходит, что вся та история, поведанная им в лавке, — ложь, что все те ошибки и поступки, приписываемые его брату, на самом деле, вероятно, совершены им самим, и что это он сам собственноручно уничтожил свое предприятие. Но зачем понадобилось ему утаи-

вать истинную причину своего падения, да еще и делать это перед совершенно незнакомым ему человеком, свободным от тягостной необходимости занимать определенную и окончательную позицию относительно его личности? Отчего не мог он за все те долгие годы, проведенные в безотрадном, ничтожном забвении, принять свою мятежную натуру и хотя бы постараться переменить действительное положение вещей?

— Да, пьянство — старшая из младших сестер регресса, — пробормотал Эвандер так тихо, словно его собеседником в этот миг был стоящий перед ним бокал, который и без повышения голоса прекрасно слышал все, что произносит доктор. Ладонь правой руки, все это время лежавшая на столе неподвижно, медленно потянулась вперед, двигаясь, казалось, независимо от воли Эвандера. Раздался еле различимый стук ногтей, встретившихся с горделиво вздымавшимся над деревянной поверхностью хрусталем, пальцы осторожно обхватили прозрачную ножку чуть выше основания, затем к пальцам подключилась вся ладонь. Неизменно продолжая смотреть в одну и ту же точку пространства, он поднял бокал, удерживая его в руке так крепко, словно это было внезапно пойманное им земноводное, то и дело норовящее выскользнуть из ладони, застыл в таком положении на секунду и сделал глоток, которым тут же осушил бокал практически целиком, оставив лишь крохотную красную лужицу на самом его дне.

Вино было, пожалуй, весьма приятное на вкус, с мягкими и насыщенными ягодными нотками, однако, поглотив всю ценную жидкость залпом, Эвандер совсем не успел распробовать эти нотки, оставив своему языку довольствоваться лишь терпким и жгучим послевкусием. Он потянулся за ближайшей тарелочкой с какой-то неопределенной разноцветной субстанцией, которая, как он надеялся, была съедобна. К несчастью, эта тарелочка оказалась основанием, сохраняющим устойчивое положение для нескольких других блюд, и когда доктор придвинул ее к себе, эти блюда покатились вслед за своим внезапно обретшим движение фундаментом. Раздался звонкий треск бьющейся посуды, оставшиеся капли вина залили и без того перепачканную ранее в краске обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.